

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 3 (2020)

Оглавление

В сфере административно-правовых отношений	2
<i>неоказание надлежащей медицинской помощи в местах лишения свободы.....</i>	<i>2</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>2</i>
<i>право на свободу и личную неприкосновенность.....</i>	<i>3</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>3</i>
<i>право на уважение частной жизни (вопросы осуществления видеонаблюдения в местах принудительного содержания)</i>	<i>13</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>13</i>
<i>право на свободу выражения мнений</i>	<i>18</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>18</i>
<i>право на эффективные средства правовой защиты (по вопросу о соблюдении надлежащих условий содержания во время предварительного следствия, а также в исправительных учреждениях)</i>	<i>18</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>18</i>
<i>право на справедливое судебное разбирательство (рассмотрение дел об административных правонарушениях).....</i>	<i>35</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>35</i>
В сфере семейных правоотношений.....	36
<i>вопросы применения судами положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей</i>	<i>36</i>
<i>от 25 октября 1980 года</i>	<i>36</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>36</i>
В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений.....	44
<i>право на жизнь</i>	<i>44</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>44</i>
<i>право на свободу и личную неприкосновенность.....</i>	<i>46</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>46</i>
<i>право на справедливое судебное разбирательство (недопустимость подстрекательства к совершению преступления со стороны сотрудников правоохранительных органов)..</i>	<i>63</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>63</i>
<i>право на справедливое судебное разбирательство (нарушение принципа презумпции невиновности)</i>	<i>65</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>65</i>
<i>право на уважение семейной жизни.....</i>	<i>66</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>66</i>
<i>вопросы выдачи.....</i>	<i>66</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>66</i>

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3 – 33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

В сфере административно-правовых отношений

неоказание надлежащей медицинской помощи в местах лишения свободы

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека (далее также – Европейский Суд, Суд) по жалобам № 26586/08 «**Ибрагимов против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 28 ноября 2017 г.)² и № 24132/12 «**Каимова и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 21 ноября 2017 г.), которыми установлено нарушение статьи 2 Конвенции по защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее – Конвенция) в связи с необеспечением надлежащей медицинской помощи содержащимся в исправительных учреждениях лицам, что повлекло их смерть, а также в связи с непроведением эффективного расследования обстоятельств их смерти.

¹ В рамках настоящего обзора понятие «*межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека*» охватывает международные договорные органы ООН, действующие в сфере защиты прав и свобод человека, а также Европейский Суд по правам человека.

² Содержание указанного постановления изложено ниже: см. подраздел «*право на жизнь*» раздела «*В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений*».

*право на свободу и личную неприкосновенность***практика Европейского Суда по правам человека**

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 5865/07 *«Буткевич против Российской Федерации»* (вынесено 13 февраля 2018 г., вступило в силу 2 июля 2018 г.), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным задержанием заявителя, а также задержкой в освобождении его из-под стражи; пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с нарушением права заявителя на справедливое судебное разбирательство; статьи 10 Конвенции ввиду несоблюдения права заявителя на свободу выражения мнения, обусловленного доставлением заявителя в отделение полиции, его задержанием и привлечением к административной ответственности.

Заявитель жаловался в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции на то, что административное задержание являлось незаконным и соразмерным, и что не имелось законного основания для его заключения под стражу после 10:00 18 июля 2006 года.

Суд установил, что заявитель был сначала доставлен в отделение полиции, посредством обращения к процедуре доставления в соответствии со статьей 27.2 КоАП РФ, и затем, когда он находился в отделении полиции, он был подвергнут процедуре административного задержания в соответствии со статьей 27.3 КоАП РФ. В протоколе об административном доставлении не было указано определенной причины для применения к заявителю принуждения в рамках указанной процедуры (пункт 61 постановления).

Суд обратил внимание на то, что ни внутригосударственные органы власти, ни Власти государства-ответчика не указали оснований, требуемых согласно статье 27.3 Кодекса, для административного задержания, а именно, что имели место «исключительные обстоятельства» и/или это было «необходимо для безотлагательного и надлежащего рассмотрения административного дела и обеспечения исполнения наложенного наказания» (пункт 63 постановления).

Суд напомнил, что «[в]нутригосударственные органы власти обязаны убедиться, что лишение свободы «считается обоснованно необходимым» в обстоятельствах дела «для предотвращения того, что [лицо] совершит правонарушение или скроется после совершения такового». В то же время органы власти должны учитывать, что мера была применена в контексте административного правонарушения, и, возможно, в контексте осуществления фундаментального права или свободы, таких как свобода выражения мнения или свобода мирных собраний. В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции, для того, чтобы лишение свободы не считалось произвольным, недостаточно принятия такой меры в соответствии с внутригосударственным

законодательством; она также должна быть необходимой в соответствующих обстоятельствах... Заключение под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 статьи 5 должно соответствовать требованию соразмерности..., которое включает обоснованное решение с балансом соответствующих аргументов за и против освобождения» (пункт 64 постановления).

Суд не удовлетворился тем, что административное задержание заявителя соответствовало российскому законодательству, так как оно также должно являться «законным» по смыслу подпункта (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5.

Суд напомнил, что «некоторая задержка в исполнении решения об освобождении заключенного из-под стражи понятна и часто неизбежна ввиду практических соображений организации работы судов и соблюдения конкретных формальностей. Тем не менее, внутригосударственные органы власти должны принимать меры для ее минимизации... Административные формальности, связанные с освобождением, не могут обосновать задержку более чем на несколько часов» (пункт 67 постановления).

В настоящем деле Суд не усмотрел обоснования для шестичасовой задержки. Ничего не говорило о том, что имели место определенные трудности в отношении обеспечения немедленного освобождения заявителя в соответствии с требованиями апелляционного суда, который находился в том же городе, что и соответствующий изолятор.

Заявитель жаловался на нарушение статьи 6 Конвенции, так как ему не была предоставлена возможность справедливого судебного разбирательства, проведенного беспристрастным судом в ходе разбирательств по вопросу об административном правонарушении в отношении заявителя. Заявитель поднял два отдельных, но взаимосвязанных вопроса:

(i) предполагаемое нарушение его права на «справедливое слушание» по причине различных процессуальных недостатков и нарушение минимальных прав, перечисленных в пункте 3 статьи 6, а также по причине отсутствия стороны обвинения в деле согласно КоАП РФ; он, в частности, ссылаясь на принципы равенства и состязательности сторон;

и (ii) предполагаемое требование к беспристрастности по причине отсутствия стороны обвинения в деле согласно КоАП РФ.

Суд отклонил как необоснованные утверждения заявителя о том, что требование к субъективной беспристрастности было нарушено, так как судья уже выносил постановления в тот же день, объявив виновными нескольких человек, которые были задержаны в связи с тем же массовым мероприятием; и что указанные постановления были основаны на показаниях полицейских, идентичных отчетам полицейских, которые были рассмотрены в деле заявителя (пункт 82 постановления).

Что касается требования объективной беспристрастности, Суд ранее рассматривал этот вопрос и обнаружил нарушение пункта 1 статьи 6

Конвенции по причине отсутствия стороны обвинения в контексте устных слушаний, приведших к определению административных обвинений. Суд отметил, что обязательные фактические и юридические элементы настоящего дела и дела *Карелина* являются схожими. Замечания сторон в настоящем деле не содержат оснований для отклонения Суда от постановления, вынесенного ранее (пункт 83 постановления).

Европейский Суд вновь обратил внимание на то, что «[п]раво на справедливое судебное разбирательство согласно пункту 1 статьи 6 является неограниченным правом. Однако, то, что представляет собой справедливый суд, не может быть определено одним неизменным правилом, а должно зависеть от обстоятельств каждого конкретного дела... Что касается соблюдения статьи 6 Конвенции, основная проблема заключается в оценке общей справедливости уголовного судопроизводства» (пункт 86 постановления).

По мнению Суда, «[с]облюдение требований справедливого судебного разбирательства должно быть рассмотрено в каждом случае с учетом развития соответствующих судебных разбирательств в целом, а не на основании изолированного рассмотрения одного аспекта или одного инцидента, хотя нельзя исключать, что определенный фактор может быть достаточно решающим, чтобы позволить оценку справедливости суда на более раннем этапе судебных разбирательств. При оценке общей справедливости судебных разбирательств, Суд принимает во внимание, в зависимости от обстоятельств, минимальные права, перечисленные в пункте 3 статьи 6 [Конвенции], которые иллюстрируют требования к справедливому суду в отношении типичных процессуальных ситуаций, возникающих в уголовных делах... Следовательно, они могут рассматриваться в качестве определенных аспектов концепции справедливого суда в уголовном судопроизводстве в пункте 1 статьи 6... Тем не менее, указанные минимальные права сами по себе не являются целями: их подлинная цель всегда заключается в обеспечении справедливости уголовного судопроизводства в целом» (пункт 87 постановления).

«Общие требования к справедливости, приведенные в статье 6 [Конвенции], далее подчеркнул Европейский Суд, применяются ко всему уголовному судопроизводству, независимо от типа правонарушения. Нельзя поднимать вопрос об ограничении прав на справедливый суд по той единственной причине, что соответствующие лица подозреваются в участии в террористической деятельности... Тем не менее, при определении того, являлись ли судебные разбирательства в целом справедливыми, может быть принята во внимание значимость общественного интереса в отношении расследования и наказания рассматриваемого правонарушения» (пункт 88 постановления).

Суд отметил, что «[н]есмотря на мнение о том, что за уголовным судопроизводством, которое связано с распределением уголовной ответственности и наложением штрафной и предотвращающей санкции,

закреплена определенная тяжесть преступлений, очевидно, что существуют уголовные дела, не несущие значительной степени осуждения. Существуют «уголовные обвинения» различного веса. Более того, автономное толкование понятия «уголовное обвинение», принятое Судом, обосновывает постепенное распространение уголовной части на дела, которые не относятся строго к традиционным категориям уголовного права, к примеру, административные наказания, тюремное дисциплинарное производство, таможенное право, конкурсное право и наказания, наложенные судом, который обладает юрисдикцией в финансовых вопросах» (пункт 89 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на следующие принципы, относящиеся к вопросу об оспаривании доказательств стороны обвинения, включая «свидетельские показания»:

«(a) В подпункте (d) пункта 3 статьи 6 Конвенции закреплен принцип, согласно которому до вынесения приговора все доказательства против обвиняемого должны быть предъявлены в его присутствии на открытом слушании для состязательных доводов. Исключения из этого принципа возможны, если они не нарушают права на защиту, которые требуют, чтобы ответчику была предоставлена адекватная и надлежащая возможность оспорить показания свидетеля и допросить его во время дачи показаний или на более поздней стадии судебного разбирательства... Более того, с учетом прецедентной практики Суда..., во-первых, должна иметься веская причина для неявки свидетеля. Во-вторых, если обвинение основывается только или главным образом на показаниях лица, которого заявитель не мог каким-либо образом допросить на этапе расследования либо в ходе судебного заседания, права защиты ограничены в большей степени, чем допустимо статьей 6. В случае если обвинение основано полностью или в решающей степени на показаниях отсутствующего свидетеля, Суд должен подвергнуть такое разбирательство наиболее тщательному рассмотрению. В каждом случае вопрос состоит в том, имеются ли достаточные уравнивающие факторы, включая меры, обеспечивающие возможность проведения справедливой и верной оценки надежности таких доказательств. В таком случае обвинительный приговор основывался бы на таких доказательствах только в том случае, если они являлись бы достаточно надежными с учетом их важности для дела.

(b) Отсутствие уважительных причин для неявки свидетеля в суд само по себе не приводит к несправедливости суда, хотя остается очень важным фактором, который необходимо учитывать при оценке общей справедливости судебного разбирательства, и который может склонить чашу весов в пользу установления нарушения пункта 1 и подпункта (d) пункта 3 статьи 6 [Конвенции]. Учитывая, что основная задача заключается в том, чтобы выяснить, было ли судебное разбирательство в целом справедливым, Суд должен рассмотреть наличие достаточных уравнивающих факторов не только в тех случаях, когда доказательства, представленные свидетелем, не явившимся на судебное заседание, были единственным или решающим основанием для вынесения приговора обвиняемому. Также это должно быть сделано в делах, в которых неясно, является ли рассматриваемое доказательство единственным или решающим, но тем не менее, Суд удовлетворен тем, что такое доказательство обладает значительным весом и его принятие может поставить сторону защиты в невыгодное положение. Наличие уравнивающих факторов, необходимых для рассмотрения судебного разбирательства в качестве справедливого, будет зависеть от весомости доказательств, представленных свидетелем, не явившимся на судебное заседание. Чем важнее такое доказательство, тем большей весомостью будет обладать уравнивающий фактор для рассмотрения судебного разбирательства в целом в качестве справедливого....

(с) Понятие «свидетеля» толкуется автономно от его значения в национальном законодательстве Договаривающихся государств. Несмотря на то, что формулировка, приведенная в подпункте (d) пункта 3 статьи 6, относится к «свидетелям», а не к экспертам, гарантии, приведенные в пункте 3, являются неотъемлемыми аспектами права на справедливый суд, предусмотренного в пункте 1 статьи 6.

Таким образом, что касается оспаривания экспертных доказательств и связанного опроса экспертов, Суд заключил, что право лица, которому предъявлены обвинения в совершении уголовного преступления, на опрос экспертов защищено в соответствии с общим принципом, определенным в пункте 1 статьи 6, и подлежит рассмотрению в соответствии с указанным параграфом, «с надлежащим учетом гарантий, предусмотренных в пункте 3»... Заключение эксперта, назначенного компетентным судом для рассмотрения вопросов, поднятых в деле, должно иметь существенные последствия для оценки дела судом. Если суд принимает решение о том, что необходимо проведение экспертизы, стороне защиты должна быть предоставлена возможность задать вопросы экспертам с целью оспаривания их заключений и допроса экспертов непосредственно на суде...

К примеру, что касается оспаривания доказательств, полученных с помощью прослушивания телефонных переговоров, Суд отметил, что лицо, переговоры которого были записаны, не может быть описано в качестве «свидетеля стороны обвинения» в том же смысле, в котором отсутствующие свидетели... рассматривались в качестве свидетелей стороны обвинения. Тем не менее, так как его показания использовались стороной обвинения для опровержения единственной защиты, использованной заявителем на суде, Суд заключил, что принципы, установленные в указанных делах, применялись в равной степени к фактам рассматриваемого дела» (пункт 90 постановления).

Суд отметил, что «досудебная процедура в деле заявителя длилась с 10:00 ч. до 20:00. Протокол об административном правонарушении, составленный полицией и подписанный заявителем в течение указанного периода времени, содержал указание о том, что заявитель совершил правонарушение в соответствии со статьей 19.3 КоАП РФ. Полиция приняла решение передать дело судье в тот же вечер. В тот же вечер суд первой инстанции признал заявителя виновным. Дело заявителя было рассмотрено в ускоренном порядке в соответствии с КоАП РФ: в делах, касающихся обвинения в совершении административного правонарушения, наказуемого административным арестом, от сотрудников полиции требовалось передать дело об административном правонарушении в суд сразу же после его составления, а от суда требовалось рассмотреть дело в тот же день или в течение 48 часов с момента задержания ответчика. По-видимому, перенос не являлся возможным» (пункт 91 постановления).

Суд повторил, что «обращение к указанной процедуре в случае, когда должно быть определено «уголовное обвинение», само по себе не противоречит статье 6 Конвенции, пока такая процедура предоставляет необходимые средства защиты и гарантии» (пункт 92 постановления).

Суд обратил внимание на то, что «[н]е было указано оснований для задержки полицией встречи заявителя и адвоката... [Относительно] судебных разбирательств, отмечено, что имело место устное слушание, в ходе которого заявителю была оказана помощь его адвокатом. Мировой судья [выслушал позицию] заявителя, который заявил о своей невинности, а также заявления

его адвоката. Суд также удовлетворил ходатайство стороны защиты и допросил свидетеля, который присутствовал в зале суда... Не были заслушаны свидетели стороны обвинения или государственные должностные лица. Как указано выше, в деле не имелось стороны обвинения. Что касается судебных разбирательств по апелляции, которые были проведены вскоре после суда, заявитель принял решение не принимать участие в слушании по апелляции, но был представлен в суде украинским консулом. Неясно, изменил ли заявитель свои заявления о невиновности в ходе судебных разбирательств по апелляции, и добивался ли исключительно сокращения [размера наказания]... Тем не менее, по-видимому, замечания заявителя... были неверно истолкованы апелляционным судом. Несмотря на это, не оспаривается тот факт, что его замечания, представленные в апелляционный суд, были ограничены целью уменьшения наказания, назначенного в приговоре. Наконец, отмечено, что вышестоящий суд пересмотрел решения нижестоящих судов на основании материалов дела (пункт 93 постановления).

Суд отметил, что заявитель был признан виновным, по существу, с отсылкой к протоколу об административном правонарушении и досудебным отчетам, составленным полицейскими, которые задержали заявителя. Что касается протокола об административном правонарушении, Суд подчеркнул, что он также был составлен полицией, инициировавшей судебные разбирательства в отношении заявителя и передавшей дело в суд. По-видимому, по существу протокол об административном правонарушении привел к обвинительному заключению, так как в нем были определены обвинения, которые затем подлежали определению судом. Другие документы в материалах дела, такие как протоколы об административном доставлении и административном задержании, по-видимому, не имели определенной доказательной ценности в отношении вопроса о вине ответчика (пункт 94 постановления).

Что касается полицейских, которые составили протокол об административном правонарушении, не оспаривался тот факт, что сторона защиты подала безуспешное ходатайство об их допросе на суде. Заявитель объяснил, в национальных судах и в Суде, что их устные показания могли разъяснить обстоятельства составления протокола об административном правонарушении, в котором были определены основания для рассмотрения соответствующих обвинений. Нельзя сказать, что их показания в отношении определенного аспекта дела являлись бы решающими в отношении обвинений, выдвинутых против заявителя: он был подвергнут преследованию на основании протокола, который был фактически передан в суд для рассмотрения. Заявитель имел доступ к указанному протоколу и был в состоянии построить свою защиту на основании такового (пункт 95 постановления).

«[О]тсутствие указанных полицейских на устном слушании, отмечено было Судом, не являлось благоприятным для предоставления стороне защиты

соответствующей возможности представить дело в ходе состязательного процесса» (пункт 96 постановления).

«Основной аргумент заявителя, подчеркнул Суд, относи[лся] к использованию досудебных рапортов, представленных двумя задержавшими полицейскими, и к отсутствию возможности допросить их. В связи с этим Власти указали, без представления определенного юридического аргумента, что указанные полицейские не были допрошены на суде, так как сторона защиты не ходатайствовала об их допросе. Не имее[лось] доказательств, позволяющих подтвердить аргумент заявителя о том, что сторона защиты добивалась, хоть и безуспешно, допроса на суде полицейских, осуществивших задержание. Несмотря на то, что он не добивался допроса полицейских на апелляционном слушании, заявитель продолжал поднимать указанный вопрос в своей апелляции и затем в заявлении о пересмотре. Он возразил, что не имел возможности допросить их, или обеспечить их допрос в ходе суда или до суда... Дополнительно, настаивая на том, что соответствующие рапорты не являлись «свидетельскими показаниями» в соответствии с КоАП РФ (так как они не представляли собой показания, предоставленные компетентному должностному лицу и не были составлены под присягой), Власти не пояснили, являлось ли вообще допустимым в соответствии с КоАП РФ заявлять о праве на допрос полицейских, осуществивших задержание, в ходе открытого заседания суда в связи с такими рапортами. Постановление Верховного Суда от 2005 года³ предусматривало такую возможность в отношении должностных лиц, которые составляют протокол об административном правонарушении, но не включает упоминания о полицейских, осуществляющих задержание» (пункт 97 постановления).

Суд принял во внимание замечание Властей о том, что указанные полицейские не являлись ни свидетелями, ни потерпевшими в отношении соответствующего правонарушения в соответствии с КоАП РФ. Тем не менее, в степени, связанной с понятием «свидетеля» согласно подпункту (d) пункта 3 статьи 6 Конвенции, их следует рассматривать в качестве «свидетелей», а именно, в качестве «свидетелей против [ответчика]». Суд считает, что не имеется существенной разницы между показаниями «свидетеля», взятыми следователем в рамках уголовного дела, к примеру, и отчетом, составленным полицейским для вышестоящего должностного лица (пункт 98 постановления).

Суд посчитал, что не имелось надлежащей причины для неявки в суд полицейских, которые задержали заявителя. Их показания против заявителя, как минимум, являлись решающими. Указанные полицейские находились у истоков судебных разбирательств в отношении заявителя и являлись сотрудниками органа власти, который инициировал такие разбирательства. Они являлись очевидцами предполагаемого участия заявителя в незаконном

³ Речь идет о постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 от 24 марта 2005 года «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

массовом мероприятии и его предполагаемого отказа от выполнения их законных распоряжений (пункт 99 постановления).

Суд принял во внимание замечание Властей о том, что «полицейские представили свои рапорты самостоятельно, без предварительного оповещения третьей стороны в отношении дачи ложных показаний... Хотя не имеется причин полагать, что государственные должностные лица действовали недобросовестно, имеется определенная степень осторожности в отношении доказательств, полученных таким способом. В то же время, по-видимому, составление и оценка таких отчетов в качестве доказательства в соответствии с КоАП РФ не регулировались определенными правилами или положениями» (пункт 100 постановления).

Суд не удовлетворился тем, что в обстоятельствах настоящего дела приговор⁴ заявителю был вынесен в результате справедливого слушания, так как он был основан на непроверенных доказательствах, представленных полицейскими, которые находились у истока судебных разбирательств и которые являлись сотрудниками органа власти, возбудившего дело. Уравновешивающих факторов (а именно, допрос К.⁵ согласно ходатайству стороны защиты на суде) было недостаточно в контексте настоящего дела (пункт 101 постановления).

Суд ранее рассматривал жалобы против России связанные с административными разбирательствами в отношении лиц, которым были предъявлены обвинения в нарушении правил поведения в ходе массовых мероприятий или неподчинения приказам полиции разойтись. В ходе таких разбирательств суды принимали замечания полиции с легкостью и однозначностью, и отказывали заявителям в возможности представления доказательств обратного. Суд постановил, что в споре об основных фактах, определяющих обвинения, в случае, когда единственными свидетелями стороны обвинения являлись полицейские, которые играли активную роль в оспариваемых событиях, суды были обязаны использовать все возможности для проверки соответствующих инкриминирующих показаний (пункт 102 постановления).

Суд заключил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении права заявителя на справедливое разбирательство.

Заявитель также жаловался на то, что имело место вмешательство в его свободу выражения мнения, осуществленное незаконным и несоразмерным способом, в нарушение статьи 10 Конвенции.

Не отрицается тот факт, что заявитель пытался сделать фотографии демонстрации, тем самым осуществляя сбор «информации», и что он намеревался «распространить» такую информацию посредством обработки

⁴ Здесь и далее речь идет о постановлении суда о привлечение лица к ответственности по делу об административном правонарушении.

⁵ Подруга заявителя.

фотографий с целью распространения. Суд посчитал, что действия органов власти в отношении заявителя (его задержание, содержание под стражей и преследование) привели к «вмешательству» в соответствии со статьей 10 Конвенции. Сбор информации является обязательным подготовительным этапом в журналистике, а также неотъемлемой и защищенной частью свободы прессы (пункт 123 постановления).

Суд вновь отметил, что оспариваемые меры влекут нарушение статьи 10 Конвенции, за исключением случаев, когда они предписаны законом, преследуют хотя бы одну из законных целей, упоминаемых в пункте 2 статьи 10, и являются «необходимыми в демократическом обществе» (пункт 125 постановления).

Суд должен был убедиться в том, что законность, законная цель и насущная социальная необходимость, обосновывающие «вмешательство», имели место в течение всех его этапов, а именно, в ходе удаления заявителя с места проведения демонстрации, его содержания в отделении полиции и его приговора к административному содержанию под стражей (пункт 126 постановления).

Суд отметил, что жалоба заявителя, поданная в Суд, главным образом относится к его преследованию и приговору в виде административного содержания под стражей. Таким образом, целесообразно установить цели, лежащие в основе преследования за административное правонарушение, а также цели, лежащие в основе норм, несоблюдение которых было косвенно связано с составом соответствующего правонарушения. Суд подчеркнул, что правонарушение в соответствии со статьей 19.3 КоАП РФ относится к главе КоАП РФ о правонарушениях против распоряжений властей. В определенном контексте настоящего дела, предполагаемое неподчинение официальным распоряжениям имело место в контексте массового мероприятия, которое считалось незаконным, так как органы власти не были заранее уведомлены о нем. Суд принял тот факт, что преследование могло быть направлено на предотвращение беспорядков (пункт 129 постановления).

«В постановлении по делу *Пентикайнен...*, подчеркивая неотъемлемую функцию, которую СМИ выполняют в демократическом обществе, к примеру, в отношении предоставления информации о действиях органов власти в отношении публичных демонстраций и беспорядков, Суд указал, что любая попытка удаления журналистов с мест проведения демонстраций должна быть подвергнута «тщательному рассмотрению»... По мнению Суда, такой же подход с «тщательным рассмотрением» применим к связанным последующим мерам, таким как преследование за предполагаемое правонарушение в связи с демонстрацией» (пункт 130 постановления).

На внутригосударственном уровне или в Суде не оспаривалось то, что по состоянию на момент рассматриваемых событий заявитель являлся «журналистом», как минимум, согласно определению такого термина в российском законодательстве. Не оспаривался тот факт, что утром 16 июля

2006 года заявитель действовал не в соответствии с журналистским заданием какого-либо СМИ. Тем не менее, Суд не видит причин сомневаться в том, что заявитель, действуя в качестве журналиста, намеревался осуществлять сбор информации и фотографий о соответствующем мероприятии и распространять их в обществе посредством СМИ (пункт 131 постановления).

По мнению Суда, заявитель мог полагаться на защиту, предоставленную прессе согласно статье 10 Конвенции.

«[О]рганы власти, как отметил Суд, должны были счесть надлежащим, на предварительном этапе судебных разбирательств, и, тем более, в ходе рассмотрения дела заявителя, рассмотрение вопроса о том, являлись ли его предполагаемые действия допустимыми или иным образом смягченными, принимая во внимание его аргумент о том, что он действовал в качестве журналиста. Тем не менее, внутригосударственные решения не содержат адекватной оценки указанного аспекта дела» (пункт 133 постановления).

Суд не увидел соответствующих и достаточных причин для распоряжений, данных полицией заявителю. Ничто в материалах дела не подтверждало того, что демонстрация не являлась мирной или что она стала насильственной. Ни один из материалов, представленных в Суд, не свидетельствовал, что такие обстоятельства были надлежащим образом рассмотрены на внутригосударственном уровне, к примеру, в ходе разбирательств по делу об административном правонарушении в отношении заявителя (пункт 134 постановления).

Суд принял во внимание замечание Властей о том, что незаконность демонстрации не оказывала прямого влияния на административное задержание заявителя и его последующее преследование за совершение правонарушения. Власти также указали, что ни досудебные документы, ни решения суда не указывали на незаконность демонстрации как на основную причину вынесения соответствующего приговора. Более того, апелляционный суд явным образом принял во внимание, в качестве смягчающего обстоятельства, «пассивную роль» заявителя в ходе демонстрации (пункт 136 постановления).

Несмотря на замечание Властей, Суд не посчитал, исходя из внутригосударственных решений, что «суды оценили законность мероприятия, в частности, в степени, относящейся к оценке законности распоряжений, данных заявителю полицией. Решения судов не содержат оценки соразмерности вмешательства в свободу выражения мнения заявителя или в свободу мирных собраний заявителя, если принимается, что заявитель принимал участие в незаконном мероприятии в качестве демонстранта, как было указано органами власти и Властями Государства-ответчика в Суде» (пункт 137 постановления).

Суд обратил внимание на то, что заявитель особым образом подчеркнул недостатки обоснований, приведенных внутригосударственными органами власти. «Обе стороны ходатайствовали перед Судом о повторном рассмотрении соразмерности «вмешательства», несмотря на то, что они не

пришли к согласию в отношении определенных обстоятельств, имеющих значение для такой оценки. Суд, со своей стороны, не удовлетворен тем, что причины, указанные внутригосударственными органами власти в качестве оснований для «вмешательства» в соответствии со статьей 10 Конвенции, являлись достаточными для административного наказания заявителя к двум дням лишения свободы. Столкнувшись с тем, что внутригосударственные суды не указали причин, соответствующих и достаточных для обоснования вмешательства, Суд заключ[ил], что внутригосударственные суды не применили стандартов, соответствующих принципам, которые приведены в статье 10, или не основывались на приемлемой оценке соответствующих фактов» (пункт 138 постановления).

Вышеупомянутые соображения в отношении преследования и признания заявителя виновным, а также заключение Суда в отношении лишения свободы до суда в отделении полиции, в настоящем деле явились достаточными для того, чтобы Суд мог сделать вывод о нарушении статьи 10 Конвенции.

право на уважение частной жизни (вопросы осуществления видеонаблюдения в местах принудительного содержания)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 27057/06 **«Горлов и другие против Российской Федерации»** и по 2 другим жалобам (вынесено 2 июля 2019 г., вступило в силу 4 ноября 2019 г.), в котором установлено нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод во взаимосвязи со ст. 13 Конвенции в связи с постоянным видеонаблюдением в камерах заявителей в учреждениях уголовно-исполнительной системы и отсутствием у заявителей эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

Заявители жаловались на то, что постоянное наблюдение за ними в камерах с использованием камер видеонаблюдения, осуществлявшееся в основном, если не только, надзирательницами, нарушало их право на уважение личной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции.

Суд изначально напомнил о своей устоявшейся прецедентной практике, согласно которой «заклученные, в целом, продолжают пользоваться всеми основными правами и свободами, которые гарантируются Конвенцией, за исключением права на свободу, если законное содержание под стражей прямо подпадает под действие статьи 5 Конвенции... В то время как содержание под стражей, как и любая другая мера, лишаящая человека его свободы, влечет за собой различные ограничения его прав и свобод, это лицо не утрачивает свои права, гарантированные Конвенцией, только по причине его статуса заключенного, включая права, гарантированные статьей 8 Конвенции, так что

ограничения этих прав должны быть оправданы в каждом конкретном случае» (пункт 81 постановления).

Суд постановил, что «помещение лица под постоянное видеонаблюдение во время содержания под стражей, которое само по себе влечет значительные ограничения личной жизни человека, должно рассматриваться как серьезное вмешательство в право человека на уважение его приватность, как элемента понятия «личной жизни», и, таким образом, приводит в действие статью 8 Конвенции» (пункт 82 постановления).

Суд напомнил, что «формулировка «в соответствии с законом» по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции требует, чтобы оспариваемая мера имела определенную основу в национальном законодательстве и была совместима с принципом верховенства права, который прямо указан в преамбуле Конвенции и является присущим предмету и цели статьи 8. Таким образом, закон должен быть достаточно доступным и предсказуемым, то есть сформулирован с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину — в случае необходимости, после соответствующей консультации — регулировать свое поведение. Для того, чтобы внутригосударственное законодательство могло удовлетворять данным требованиям, оно должно обеспечивать надлежащую правовую защиту от произвола и, соответственно, отражать с достаточной ясностью пределы усмотрения, предоставленные компетентным органам, и способ их реализации... Суд также должен быть убежден в том, что существуют адекватные и эффективные гарантии против злоупотреблений. Данная оценка зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер, объем и продолжительность возможных мер, основания, необходимые для их применения, органы, компетентные, чтобы разрешать, проводить соответствующие мероприятия, и следить за их выполнением, и средства правовой защиты, предусмотренные национальным законодательством» (пункт 85 постановления).

При этом, в первую очередь именно национальные органы власти, а точнее суды, должны толковать и применять внутригосударственное законодательство. Тем не менее, Суд должен проверить приводит ли способ толкования и применения внутригосударственного права к последствиям, которые согласуются с принципами Конвенции в толковании с учетом его прецедентной практики (пункт 86 постановления).

Суд обратил внимание на то, что «статья 83 Уголовно-исполнительного кодекса [Российской Федерации] наделяет администрацию исправительного учреждения правом использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля за заключенными. Аналогичным образом, статья 34 Закона о содержании под стражей⁶ предусматривает, что «аудио- и видеотехника может использоваться в целях осуществления надзора за лицами, находящимися в предварительном заключении. Хотя эти

⁶ Здесь и далее речь идет о Федеральном законе от 15 июля 1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

законоположения устанавливают общее правило, позволяющее администрациям исправительных учреждений и следственных изоляторов использовать видеонаблюдение, в них не содержится подробной информации по данному вопросу. Например, в них не указано, должно ли видеонаблюдение осуществляться как в общественных зонах, так и в жилых помещениях; в какое время суток должна работать система видеонаблюдения; условия и продолжительность работы системы; применимые процедуры и т.д. Единственное обязательство, налагаемое на администрации исправительных учреждений пунктом 2 статьи 83 Уголовно-исполнительного кодекса [Российской Федерации], заключается в том, чтобы информировать осужденных под роспись об использовании вышеупомянутых средств контроля и наблюдения (пункт 88 постановления).

Суд признал, что «при разработке законов трудно достичь абсолютной определенности и что необходимость избегать чрезмерной жесткости и идти в ногу с изменяющимися обстоятельствами означает, что многие законы неизбежно изложены в формулировках, которые в той или иной мере расплывчаты... Критерий предсказуемости не может быть истолкован как требующий, чтобы все условия и процедуры, регулирующие вмешательство, были подробно изложены в самом материальном праве; требования «законности» могут быть выполнены, если вопросы, которые не могут быть в удовлетворительной степени описаны в материальном праве, изложены в постановлениях более низкого ранга, чем законодательные акты... В настоящем деле, по мнению Суда, след[овало] отметить, что пункт 3 статьи 83 Уголовно-исполнительного кодекса [Российской Федерации] предусматривает, что перечень технических средств контроля и надзора, а также порядок их использования устанавливаются другими правовыми инструментами и положениями» (пункт 89 постановления).

Что касается ссылки Властей на приказ Министерства юстиции № 279 от 4 сентября 2006 года, с изменениями, внесенными 17 июня 2013 года,⁷ и приказы Федеральной службы исполнения наказаний № 759 от 13 августа 2005 года и № 533 от 25 августа 2008 года⁸, то Суд отметит, что «данные инструменты дают чисто технические спецификации для систем обеспечения безопасности и контроля в исправительных учреждениях и следственных изоляторах. Они устанавливают перечень технических средств для охраны, наблюдения и контроля, в том числе систему видеонаблюдения, в таких учреждениях, и подробные технические и инженерные стандарты в отношении

⁷ Приказом от 4 сентября 2006 года № 279, с поправками от 17 июня 2013 года, Министерство юстиции РФ утвердило наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы.

⁸ Приказами №№ 759 и 533 Федеральной службы исполнения наказаний от 13 августа 2005 года и 25 августа 2008 года соответственно были утверждены технические спецификации технических средств контроля и надзора в исправительных учреждениях, включая количество камер в каждом учреждении, срок их службы и т.д. В частности, приказы предусматривают установку одной камеры видеонаблюдения в одну камеру.

этих средств. В частности, они предусматривают, что каждая камера в исправительных учреждениях и следственных изоляторах должна быть оборудована камерой видеонаблюдения и описывают технические требования и характеристики, которым должна отвечать каждая камера... Однако рассматриваемые документы не устанавливают какие-либо методы, условия или процедуры для использования камер видеонаблюдения и, следовательно, не могут рассматриваться в качестве правового основания для меры, обжалуемой в настоящем деле» (пункт 90 постановления).

Суд также отметил, что в той мере, в которой соответствующая часть рассматриваемых приказов цитируется в судебных решениях, в ней содержится только общее положение о том, что «в целях осуществления надзора могут использоваться [камеры видеонаблюдения]». По сути, это положение лишь воспроизводит положения статьи 83 Уголовно-исполнительного кодекса [Российской Федерации] и статьи 34 Закона о содержании под стражей, но не проясняет их. Оно не устанавливает каких-либо конкретных норм, регулирующих условия, в которых оспариваемая мера может быть применена и отменена, продолжительность или процедуры пересмотра (пункт 93 постановления).

«Что касается исправительных учреждений, то часть 1 статьи 83 Уголовно-исполнительного кодекса [Российской Федерации], подчеркнул Суд, предусматривает использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств наблюдения и контроля в том числе в целях «получения необходимой» информации о поведении осужденных... Однако ни в этой статье, ни в каких-либо других доступных Суду правовых актах, не указыва[лось], ограничивается ли получение такой информации видеонаблюдением, или же эта информация записывается и хранится, и, если да, то какие гарантии и правила определяют обстоятельства, при которых могут собираться такие данные, срок их хранения, основания для их использования и обстоятельства, при которых они подлежат уничтожению[ю]... Важным моментом является тот факт, что технические спецификации, утвержденные Министерством юстиции, предусматривают техническую возможность хранения записей системы видеонаблюдения в течение тридцати дней... Суд напом[нил], что национальное законодательство также должно предусматривать адекватные гарантии того, что сохраненные персональные данные эффективно защищены от неправомерного использования и злоупотребления» (пункт 94 постановления).

Что касается ссылки властей Российской Федерации на решение о неприемлемости по делу *«Ван дер Грааф против Нидерландов»*, в котором было установлено, что постоянное видеонаблюдение за заявителем в течение примерно четырех с половиной месяцев было сочтено «необходимым в демократическом обществе в интересах общественной безопасности и предотвращения беспорядков или преступлений», то Суд отметил, что «указанное дело отличается от настоящего дела. В этом деле оспариваемая

мера была применена в отношении лица, содержащегося в одиночном заключении и обвиняемого в убийстве известного политика. Она была основана на подробных внутригосударственных правилах, которые, в частности, содержали исчерпывающий перечень оснований для применения такой меры и устанавливали применимую процедуру. В соответствии с этими правилами помещение заявителя под постоянное видеонаблюдение было предписано индивидуальными и обоснованными решениями компетентного должностного лица, подкрепленными необходимыми медицинскими документами, подтверждающими состояние психического здоровья заявителя и оценивающими наличие суицидальных наклонностей в его поведении. Кроме того, каждое решение о помещении заявителя под постоянное видеонаблюдение предусматривало срок в две недели, в результате чего регулярно проводился пересмотр меры» (пункт 95 постановления).

Однако в настоящем деле, обратил внимание Суд, «помещение заявителей под постоянное видеонаблюдение не было основано на индивидуальном и мотивированном решении с указанием причин, которые могли бы оправдать данную меру в свете преследуемых законных целей; оспариваемая мера не была ограничена во времени, и администрации исправительных учреждений или следственного изолятора, в зависимости от обстоятельств, не были обязаны регулярно пересматривать обоснованность этой меры или пересматривать ее вообще. Действительно, в национальном законодательстве не содержится оснований для принятия таких индивидуальных решений» (пункт 96 постановления).

По мнению Суда, «[х]отя законодательство наделяет администрации следственных изоляторов и исправительных учреждений правом использовать видеонаблюдение, оно не обеспечивает достаточной ясности в отношении объема этих полномочий и способа их осуществления, с тем чтобы обеспечить лицу адекватную защиту от произвола. Фактически, в толковании внутригосударственных судов, национальная правовая база наделяет администрации следственных изоляторов и исправительных учреждений неограниченными полномочиями помещать лицо, находящееся в предварительном заключении, или осужденного, под постоянное (т.е. круглосуточное) видеонаблюдение в любой части учреждения, включая камеры, на неопределенный срок и без проведения периодического пересмотра этой меры. В его нынешнем виде национальное законодательство практически не обеспечивает гарантий от злоупотреблений со стороны государственных должностных лиц» (пункт 97 постановления).

Хотя Европейский Суд и готов был признать, принимая во внимание обычные и разумные требования содержания под стражей, что может возникнуть необходимость в постоянном наблюдении за определенными зонами следственных изоляторов и исправительных учреждений или за определенными заключенными, в том числе посредством системы видеонаблюдения, он посчитал, что существующая в Российской Федерации

правовая база не может считаться достаточно четкой, точной и подробной, чтобы обеспечить надлежащую защиту от произвольного вмешательства властей в право заявителей на уважение их личной жизни (пункт 90 постановления).

Суд пришел к выводу, что обжалуемая мера не была применена «в соответствии с законом», как того требует пункт 2 статьи 8 Конвенции. Таким образом, у Суда не было необходимости проверять, преследовала ли она какие-либо законные цели и была ли она «необходима в демократическом обществе» и пропорциональна этим целям. В частности, Суд оставит открытым вопрос о том, отвечал ли тот факт, что постоянное видеонаблюдение, осуществлялось женщинами-операторами камер видеонаблюдения, требованиям пункта 2 статьи 8 Конвенции, поскольку, по его мнению, этот вопрос относится к вопросу о пропорциональности предполагаемого вмешательства (пункт 99 постановления).

право на свободу выражения мнений

практика Европейского Суда по правам человека

См. вышеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе № 5865/07 *«Буткевич против Российской Федерации»* (вынесено 13 февраля 2018 г., вступило в силу 2 июля 2018 г.)⁹, которым установлено, в том числе, нарушение статьи 10 Конвенции ввиду несоблюдения права заявителя на свободу выражения мнения, обусловленного доставлением заявителя в отделение полиции, его задержанием и привлечением к административной ответственности.

право на эффективные средства правовой защиты (по вопросу о соблюдении надлежащих условий содержания во время предварительного следствия, а также в исправительных учреждениях)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод решения Европейского Суда по жалобе № 41743/17 *«Евгений Михайлович Шмелев против Российской Федерации»* и по 16 другим жалобам (вынесено 17 марта 2020 г.), в котором проведена оценка новых действующих в Российской Федерации средств правовой защиты от нарушений, связанных с ненадлежащими условиями содержания под стражей во время предварительного следствия, а также во время отбывания наказания в исправительных учреждениях.

⁹ См. подраздел «право на свободу и личную неприкосновенность» раздела «В сфере административно-правовых отношений».

Заявители в семи жалобах утверждали, что условия их содержания под стражей в ходе предварительного следствия нарушали статью 3 Конвенции; некоторые из них утверждали, что у них не было эффективных средств правовой защиты от этих нарушений, как предусмотрено статьей 13. В частности, данные заявители жаловались на то, что они содержались в переполненных камерах, а также на другие аспекты условий содержания под стражей. Для некоторых заявителей содержание было закончено к моменту обмена замечаниями между сторонами.

Десять других заявителей утверждали, что условия их содержания в исправительных учреждениях не соответствуют стандартам, совместимым со статьей 3 Конвенции. Некоторые из них утверждали, что у них не было эффективных средств правовой защиты от этих нарушений, в нарушение статьи 13. В частности, заявители жаловались на то, что они содержались в переполненных камерах, а также на другие аспекты плохих условий содержания. Для некоторых заявителей содержание было закончено к моменту обмена замечаниями между сторонами.

По результатам рассмотрения Европейским Судом были *признаны неприемлемыми* жалобы, поданные заявителями, срок содержания которых под стражей в ходе предварительного следствия истек либо отбывшими наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях, ввиду неисчерпания ими внутреннего средства правовой защиты, предусмотренного Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусматривающим право подозреваемых, обвиняемых, содержащихся под стражей, а равно лиц, осужденных к лишению свободы и отбывающих наказание в исправительном учреждении, на получение компенсации в денежной форме за нарушение условий содержания соответственно под стражей и в исправительном учреждении,

а также *отложено рассмотрение* жалоб №№ 41743/17, 60185/17, 74497/17, 75804/17, 77181/17, 77265/17, 1249/18, 9152/18, 14988/18, 19837/18 и 29155/18, поданных заявителями, продолжающими содержаться под стражей в ходе предварительного следствия, либо не отбывшими наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях, либо отбывшими наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях в условиях, соответствующих национальному законодательству Российской Федерации, но не коррелирующих с требованиями статьи 3 Конвенции, ввиду отсутствия у Европейского Суда достаточной информации для оценки эффективности имеющихся средств правовой защиты прав указанных лиц на надлежащие условия содержания в соответствующих местах принудительного содержания.

Европейский Суд обратил внимание на то, что принципы в отношении эффективных средств правовой защиты в контексте условий содержания под

стражей были изложены им в постановлении по делу «*Нешков и другие против Болгарии*»:

«181. Объем обязательства по статье 13 Конвенции зависит от характера жалобы потерпевшего. Что касается жалоб на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с бесчеловечными или унижающими достоинство условиями содержания под стражей, то возможны два вида компенсации: улучшение этих условий и компенсация за любой ущерб, причиненный в результате таких условий. Таким образом, для лица, содержащегося в таких условиях, средство правовой защиты, способное быстро положить конец продолжающимся нарушениям, имеет наибольшую ценность и действительно необходимо с учетом особой важности, придаваемой праву согласно статье 3. Однако, после того, как оспариваемая ситуация подошла к концу, так как этот человек был освобожден или помещен в условия, отвечающие требованиям статьи 3, он или она должны иметь право на компенсацию за любое уже имевшее место нарушение. Другими словами, в этой области превентивные и компенсаторные средства правовой защиты должны быть взаимодополняющими, чтобы считаться эффективными ...

187. Таким образом, чтобы внутригосударственные средства правовой защиты в отношении условий содержания под стражей были эффективными, орган или суд, рассматривающий дело, должен рассматривать их в соответствии с применимыми принципами, изложенными в прецедентной практике Европейского Суда в соответствии со статьей 3 Конвенции... Поскольку важна не ситуация, а реальное положение вещей, то простого упоминания этой статьи во внутренних решениях недостаточно; дело должно было быть фактически рассмотрено в соответствии со стандартами, вытекающими из прецедентной практики Европейского Суда.

188. Если национальный орган или суд, рассматривающий дело, обнаружит, по существу или прямо, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении условий, в которых соответствующее лицо содержалось или содержится под стражей, оно должно получить соответствующую помощь.

189. В контексте превентивных средств правовой защиты такая помощь может, в зависимости от характера основной проблемы, состоять либо из мер, затрагивающих только истца, или (например, в случае перенаселенности камер) более широких мер, которые позволяют разрешать ситуации массового и одновременного нарушения прав заключенных, возникающих в результате не соответствующих требованиям действий в определенном уголовно-исправительном учреждении...

190. В контексте компенсационных средств правовой защиты денежная компенсация должна быть доступной любому фактическому или бывшему заключенному, которого содержали в бесчеловечных или унижающих достоинство условиях и который подал жалобу по этому поводу. Вывод о том, что условия не соответствовали требованиям статьи 3 Конвенции, дает основание полагать, что этим самым был нанесен моральный вред потерпевшему. Внутренние правила и практика, регулирующие действие средства правовой защиты, должны отражать существование этой презумпции, а не ставить компенсацию в зависимость от способности заявителя доказать с помощью устных показаний существование морального вреда в форме эмоционального расстройства...

191. Наконец, заключенные должны иметь возможность пользоваться средствами правовой защиты, не опасаясь, что за это они понесут наказание или испытают другие негативные последствия...» (пункт 85 решения).

Европейский Суд подтвердил свою прецедентную практику, согласно которой превентивные и компенсаторные средства правовой защиты в контексте

обеспечения условий содержания должны быть взаимодополняющими (пункт 86 решения).

Суд рассмотрел соотношение между превентивными и компенсаторными средствами правовой защиты и последствиями для приемлемости индивидуальных жалоб, поданных в Европейский Суд. Заявители, которые все еще находятся под стражей в тех условиях, на которые они жалуются, обычно обязаны исчерпать доступные и эффективные средства правовой защиты, прежде чем подавать жалобы в Европейский Суд. Однако, в тех делах, когда неудовлетворительные условия содержания под стражей уже закончились, использование такого компенсационного средства правовой защиты как гражданский иск о возмещении вреда, обычно является эффективным средством правовой защиты для целей статьи 35 Конвенции. Соответственно, Суд постановил, что, когда заявитель уже был освобожден, в то время как он или она подали свою жалобу, средство правовой защиты исключительно компенсационного характера могло бы быть эффективным и предоставить ему или ей справедливое возмещение за предполагаемое нарушение статьи 3 (пункт 87 решения).

Суд напомнил о том, что то, каким образом национальные суды рассматривают такие дела, в какой степени национальные власти выполняют предписанные меры, и с какой оперативностью назначенная ими компенсация в таких разбирательствах оплачивается властями, может, разумеется, повлиять на заключение Суда по этому вопросу (пункт 88 решения).

Компенсаторные средства правовой защиты

Во всех делах, в которых нарушение статьи 3 уже произошло, Суд считает, что причиненные человеку страдания могут быть возмещены при помощи компенсационного средства правовой защиты. Внедрение эффективного компенсационного средства правовой защиты было бы особенно важным шагом с учетом принципа субсидиарности, с тем, чтобы потерпевшие не были вынуждены систематически обращаться в Страсбургский суд с жалобами, которые требуют установления основных фактов или расчета сумм денежных компенсаций — поскольку оба данных вопроса должны, как в принципе, так и согласно сложившейся практике, относиться к юрисдикции внутригосударственных органов власти (пункт 89 решения).

Суд признал финансовую компенсацию и, в некоторых делах, возможность сокращения приговора в качестве адекватных форм компенсационного возмещения¹⁰. Что касается сокращения срока приговора, Суд постановил, что

¹⁰ См. решение по делу «*Стелла и другие против Италии*», пункты 56–63; и решение Европейского Суда от 12 февраля 2019 года по делу «*Драничеру против Республики Молдова*» (*Draniceru v. the Republic of Moldova*), жалоба № 31975/15, пункты 35–40. Ранее информация об этих решениях Европейского суда по правам человека была изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по*

сокращение приговора на один день за каждые десять дней, проведенные в условиях содержания под стражей, несовместимых с Конвенцией, представляет собой достаточную компенсацию за плохие условия содержания под стражей. Более того, такая мера, несомненно, способствовала решению проблемы переполненности тюрем путем ускоренного освобождения заключенных¹¹. Суд пришел к такому же выводу в решении по делу «*Драничеру против Республики Молдова*», пункт 38, где применяемый коэффициент был более благоприятным, чем в Италии, и составил два дня сокращения срока приговора за каждый день, проведенный в плохих условиях содержания под стражей в ходе предварительного следствия. В обоих делах финансовый аспект возмещения ущерба вступит в действие только в том случае, если заинтересованные лица по той или иной причине не смогут извлечь выгоду из сокращения срока приговора с применимыми коэффициентами (пункт 90 решения).

«Что касается сумм финансовых компенсаций, Суд неоднократно устанавливал, что, в соответствии с принципом субсидиарности, внутригосударственным органам власти следует предоставлять более широкие пределы свободы усмотрения при исполнении «пилотного» постановления и при оценке суммы подлежащей выплате компенсации. Такая оценка должна производиться способом, соответствующим внутригосударственной юридической системе и традициям, и учитывать стандарт жизни в рассматриваемой стране, даже если это приведет к присуждению меньших сумм, чем суммы, присуждаемые Судом в схожих делах» (пункт 91 решения).

В частности, Европейский Суд изложил свою недавнюю практику в решении от 14 ноября 2017 по делу «*Домьян против Венгрии*» (*Domjan v. Hungary*):

«Суд напоминает, что в контексте переполненности в тюрьмах... он постановил, что компенсация, присужденная национальным судом и составлявшая приблизительно 30% от суммы, присужденной Судом... не представляется необоснованной или несоразмерной. Суд занял аналогичную позицию в решении по делу «*Стелла и другие против Италии*» (...), где размер компенсации, доступной на внутригосударственном уровне, составлял 8 евро за день содержания под стражей в условиях, несовместимых со статьей 3 Конвенции. Принимая во внимание экономические реалии, как это было предложено Властями..., Суд приходит к тому же выводу в отношении компенсации в размере от 4 до 5,3 евро в день за ненадлежащие условия содержания под стражей в Венгрии. Кроме того, в этом отношении Суд подчеркивает, что предметом настоящего решения является вопрос о потенциальной совместимости внутригосударственной специальной компенсационной схемы с требованиями Конвенции, а не вопрос о том, утратил ли заявитель статус жертвы с учетом сумм, присужденных на национальном уровне. Этот второй тип оценки может производиться в каждом индивидуальном деле только после использования соответствующего внутригосударственного средства правовой защиты...» (пункт 92 решения).

¹¹ См. решение по делу «*Стелла и другие против Италии*», пункт 60.

В деле «*Атанасов и Апостолов против Болгарии*» Суд изучил эффективность компенсационного средства правовой защиты, введенного болгарскими властями в ответ на «пилотное» постановление по делу «*Нешков и другие против Болгарии*». Эта компенсационная схема не устанавливала шкалу для присуждения сумм в качестве компенсации морального вреда за ненадлежащие условия содержания под стражей. Вместо этого, данные компенсации «должны были бы быть определены в соответствии с общим правилом болгарского деликтного права — по праву справедливости, и их размер будет зависеть от прецедентного права и практики». Суд счел, что не следует строить предположения о том, что «болгарские суды не будут надлежащим образом применять новые законодательные положения или не смогут разработать согласованный свод прецедентно[й] [практики] при их применении. Тем не менее, они должны соблюдать осторожность при их применении в соответствии с Конвенцией и прецедентной практикой Суда» (пункт 93 решения).

В качестве другого примера может послужить молдавское законодательство, в котором был установлен не минимальный размер компенсации, а только максимальный (5,10 евро в день за ненадлежащие условия). В упоминавшемся выше решении по делу «*Драничеру против Республики Молдова*» Суд напомнил, что уровень компенсации, предоставляемой на национальном уровне, является важным фактором для оценки эффективности средства правовой защиты. Суд не нашел оснований для вывода о том, что молдавские суды «не применяли в полной мере новые внутригосударственные положения, или что им не удастся создать последовательную и единообразную судебную практику в этом отношении». Тем не менее, им следует обратить внимание на то, чтобы применение новых положений было совместимо с требованиями Конвенции и судебной практикой Суда» (пункт 94 решения).

Вместе с тем, Европейский Суд отказался признать, что заявителям были предоставлены достаточные компенсации в делах, где внутригосударственные выплаты были «несопоставимо малы» и даже «не приближались к суммам, обычно присуждаемым Судом в сопоставимых обстоятельствах»¹². В тех делах, когда компенсация вреда, присужденная национальными судами, являлась несопоставимой с компенсациями, присуждаемыми Европейским Судом в схожих делах, таких компенсаций было недостаточно, чтобы лишить заявителей статуса жертвы согласно статье 3 Конвенции (пункт 95 решения).

Суд постановил, что усилия, предпринимаемые внутригосударственными органами власти «для смягчения проблемы переполненности тюрем... должны приниматься во внимание при определении размера любой справедливой компенсации» (пункт 96 решения).

¹² См. постановление Европейского Суда от 8 декабря 2015 года по делу «*Мироновас и другие против Литвы*» (*Mironovas and Others v. Lithuania*), жалобы №№ 40828/12 и 6 других жалоб, пункт 99.

Превентивные средства правовой защиты

В качестве превентивных средств правовой защиты в постановлении по делу *«Муришч против Хорватии»* Суд указал:

«71. Что касается средств правовой защиты в отношении условий содержания в тюрьмах в Хорватии, Суд постановил, что жалоба, поданная в компетентный судебный орган или администрацию тюрьмы, является эффективным средством правовой защиты, поскольку оно может привести к тому, что не соответствующие требованиям условия содержания заявителя в тюрьме будут устранены. Кроме того, в случае неблагоприятного исхода, заявитель может подать жалобу в Конституционный Суд..., который также уполномочен издавать распоряжение об освобождении или перемещении заявителя из не соответствующих требованиям условий содержания в тюрьме...» (пункт 97 решения).

В деле *«Стелла и другие против Италии»* (пункты 46–55), оценивая меры, принятые итальянскими властями в ответ на «пилотное» постановление Суда по делу *«Торреджсиани и другие против Италии»*, Суд признал, что жалоба, адресованная судье, «ответственному за исполнение приговоров — правомочному выносить обязательные для исполнения решения в отношении условий лишения свободы — удовлетворяла требованиям прецедентной практики Суда. Аналогичным образом, в постановлении по делу *«Домьян против Венгрии»*, пункты 21–23, в ответ на «пилотное» постановление Суда по делу *«Варга и другие против Венгрии»* (*Varga and Others v. Hungary*), жалоба в адрес начальника пенитенциарного учреждения (который может отдать распоряжение о переводе в пределах учреждения или о переводе в другое учреждение), которая может быть пересмотрена судом, была сочтена совместимой с требованиями прецедентной практики Европейского Суда. В этом же контексте было установлено, что жалоба следственному судье, который может приказать улучшить не соответствующие требованиям условия содержания под стражей, является эффективным средством правовой защиты в Молдове (пункт 98 решения).

В постановлении по делу *«Атанасов и Апостолов против Болгарии»* Суд установил, что болгарское законодательство, предусматривающее превентивное средство правовой защиты, соответствовало необходимым стандартам эффективного средства правовой защиты. Суд отметил, что средство правовой защиты предназначалось для непосредственного решения вопросов, возникающих в связи с жалобами на условия содержания под стражей; что разбирательство было заслушано административным судом, обеспечивающим гарантии независимости и беспристрастности, а также совокупность процессуальных гарантий, имеющих в ходе состязательного судебного производства; средство правовой защиты было простым в использовании и не накладывало чрезмерного бремени доказательства на заключенного; напротив, суд должен был установить факты по собственной инициативе, прибегая ко всем возможным источникам информации; и бремя доказывания лежало на органе власти-ответчика, чтобы узаконить его действия или бездействие. Скорость средства правовой защиты также сыграло свою роль в анализе; точно так же, как и возможность назначения судебных запретов

тюремным властям в течение определенного времени предпринять конкретные шаги для предотвращения или прекращения нарушения условий содержания под стражей. Суд также отметил общее улучшение ситуации с переполненностью в болгарских тюрьмах и отметил конкретные законодательные положения, гарантирующие четыре квадратных метра площади на каждого заключенного в качестве минимального санитарного требования. Таким образом, рассмотрев характеристики превентивного средства правовой защиты и общий контекст, в котором оно должно было функционировать, Суд пришел к выводу, что данное средство предоставило разумную перспективу компенсации (пункт 99 решения).

Как правило, жалобы прокурорам не являлись эффективным превентивным средством правовой защиты. Если переполненность тюрем или другие нарушения условий содержания под стражей не являлись проблемами системного характера, подача жалобы компетентному прокурору могла представлять собой эффективный механизм превентивного средства защиты. В решении Европейского Суда от 15 ноября 2016 года по делу *«Жировницкий против Чешской Республики»* (*Žirovnický v. the Czech Republic*), жалобы №№ 60439/12 и 73999/12, пункты 100–106, Суд принял к сведению, что региональным прокурорам было специально поручено осуществлять надзор за соответствием условий содержания под стражей законодательным нормам; они имели возможность, среди прочего, посещать тюрьмы и проводить конфиденциальные встречи с заключенными; заключенные имели право обращаться непосредственно в прокуратуру и предъявлять требование о такой встрече; и, в соответствии с национальным законодательством и указаниями Генерального прокурора, прокуроры были обязаны рассматривать такие жалобы и запросы. В случае необходимости прокуроры могли издавать распоряжения, которые бы имели обязательную силу для тюремных служб и должны были исполняться немедленно. Кроме того, их реакция могла бы быть оспорена в Конституционном суде, который выносит окончательное решение о наличии предполагаемого нарушения прав заключенных, о необходимости принятия обеспечительных мер или о вынесении распоряжения компетентным органам положить конец рассматриваемым нарушениям (пункт 100 решения).

Напротив, если не было указаний на то, что пенитенциарные органы должны рассматривать переполненность тюрем или неблагоприятные условия содержания в тюрьме в качестве уважительной причины для перевода в другое исправительное учреждение, или что суды должны распорядиться об изменении бесчеловечных или унижающих достоинство условий содержания заявителя под стражей, такое средство правовой защиты не может рассматриваться как обеспечивающее достаточные перспективы успешного результата. В этом контексте Суд также принял во внимание то, была ли проблема широко распространена настолько, что любое улучшение личной ситуации заключенного, находящегося в уже переполненном учреждении, могло быть улучшено только за счет и в ущерб другим заключенным. Суд также отметил, что тюремная администрация не сможет удовлетворить большое количество одновременных запросов, если переполненность тюрьмы носит структурный

характер и в отсутствие надлежащих реформ для ее решения (пункт 101 решения).

Европейский Суд особенно бдителен в отношении эффективности превентивного средства правовой защиты, когда проблема переполненности тюрем носит системный характер и, следовательно, возникает опасность того, что средство правовой защиты не будет иметь никакого воздействия (пункт 103 решения).

В целом, чтобы превентивное средство правовой защиты в отношении условий содержания под стражей стало эффективным, административный орган должен

(а) быть независимым от органов, отвечающих за пенитенциарную систему,

(б) обеспечить эффективное участие заключенных в рассмотрение их жалоб,

(в) обеспечить быстрое и тщательное рассмотрение жалоб заключенных,

(г) иметь в своем распоряжении широкий спектр правовых инструментов для устранения проблем, лежащих в основе этих жалоб, и

(д) быть способным сделать обязательные и подлежащие исполнению решения. Любое такое средство правовой защиты также должно быть способно предоставить помощь в разумно короткие сроки (пункт 104 решения).

Анализ Европейским Судом по правам человека Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

Суд повторил руководство, которое он дал Властям в постановлении по делу «Ананьев и другие против России» в отношении характеристик, которыми должно обладать компенсаторное средство правовой защиты, чтобы оно считалось эффективным. В частности, денежная компенсация должна быть доступной любому фактическому или бывшему заключенному, который подвергся бесчеловечному или унижающему достоинство обращению и который подал соответствующую жалобу. Вывод о том, что условия не отвечают требованиям статьи 3 Конвенции, влечет за собой твердую презумпцию того, что жертве причинен моральный вред, и что размер компенсации морального вреда, не должен являться необоснованным по сравнению с суммами, присуждаемыми Судом в аналогичных делах (пункт 105 решения).

Европейский Суд напомнил, что, хотя наличие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты обычно оценивается с отсылкой на дату подачи жалобы, это правило может быть предметом исключений, если это оправдано обстоятельствами дела; в частности, когда рассматриваемое средство правовой защиты вступило в силу в ответ на «пилотное» постановление Суда. Если подобного рода новые средства правовой защиты только что стали доступны, их оценка должна обязательно основываться исключительно на законодательных положениях, которые их регулируют, а не на

их применении на практике. В связи с этим, Суд посчитал, что он может оценить эффективность правовых положений, установленных Законом о компенсации¹³, после его вступления в силу, и принять соответствующее решение о том, обязаны ли заявители, перечисленные выше, исчерпать их (пункт 106 решения).

Новый Закон о компенсации вступил в силу 27 января 2020 года. Он предусматривает, что любой заключенный, утверждающий, что его или ее условия содержания под стражей нарушают национальное законодательство или международные договоры Российской Федерации, вправе обратиться в суд. Новизна Закона заключается в том, что заключенный может одновременно требовать установления соответствующего нарушения и финансовой компенсации за данное нарушение. Производство ведется в соответствии с КАС¹⁴. Верховный Суд издал ряд соответствующих разъяснений и указаний относительно применения КАС РФ, в частности, в контексте рассмотрения жалоб заключенных¹⁵ (пункт 107 решения).

Что касается сферы действия Закона о компенсации, суды могут рассматривать жалобы, которые поднимают различные проблемы содержания под стражей, включая переполненность тюрем и другие аспекты. Суды могут рассматривать иски и присуждать компенсацию без предварительного условия установления вины или незаконного поведения какого-либо должностного лица. Соответствующее российское законодательство устанавливает четыре квадратных метра в качестве минимальной санитарной нормы на каждого заключенного, содержащегося под стражей в ходе предварительного следствия, и требует, чтобы каждому заключенному было выделено индивидуальное спальное место, что соответствует соответствующему минимальному стандарту согласно статье 3 Конвенции в толковании Европейского Суда (пункт 108 решения).

Подача иска напрямую доступна заключенному. Имеются два формальных требования: иск должен соответствовать общим процессуальным нормам, сопровождаться судебным сбором; быть поданным во время содержания под стражей или в течение трех месяцев после его прекращения. Лица, чьи жалобы находились на рассмотрении в настоящем Суде в день вступления в силу Закона о компенсации, или чьи жалобы были отклонены по причине неисчерпания средств правовой защиты, имеют 180 дней для подачи своих жалоб после окончания срока заключения. Административный суд должен будет решить вопрос о том, имело ли место нарушение условий содержания под стражей и, в случае положительного ответа, одновременно вынести решение по компенсации. Любые принятые решения и постановления подпадают под обычную процедуру судебного обжалования (пункт 109 решения).

¹³ Здесь и далее речь идет о Федеральном законе от 27 декабря 2019 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

¹⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

¹⁵ См., например, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

Что касается вопроса о судебных сборах, Суд отмечает, что плата, взимаемая за подачу таких жалоб, является номинальной, и суды проинструктированы рассрочить, сократить пошлину или вообще отказаться от нее, если это может серьезно повлиять на возможность заключенного обратиться в суд (пункт 110 решения).

Европейский Суд убедился, что процессуальные требования о доступе к «компенсационной схеме» просты и доступны и не накладывают чрезмерного бремени на истца ни в применимой процедуре, ни в требовании, связанном с расходами на судебное разбирательство (пункт 111 решения).

Рассмотрение жалоб сопровождается рядом процессуальных гарантий. Жалобы рассматриваются судом общей юрисдикции в ходе состязательного и открытого разбирательства; истец имеет право на помощь адвоката или другого представителя по своему выбору; его или ее права на эффективное участие должны быть полностью обеспечены. Суд обладает важным инструментом предварительных мер, которые могут применяться для вынесения распоряжения о переводе заключенного в другое помещение или проведении медицинского освидетельствования, например, в местах, где существует угроза жизни и здоровью человека. Кроме того, судам напрямую напоминают о необходимости осторожно относиться к любому запросу об отзыве иска со стороны заключенного. Такое ходатайство может быть отклонено, если у суда есть основания полагать, что оно было подано незаконно или не отвечает общественным интересам (пункт 112 решения).

Рассмотрение административных жалоб основано на переносе бремени доказывания обратного на администрацию. Суды должны учитывать трудности, с которыми сталкиваются заключенные при сборе доказательств, и им рекомендуется занять активную позицию в определении и получении доказательств. Таким образом, Пленум Верховного Суда напоминает о том, что суды могут дать указание тюремной администрации представить конкретные доказательства, относящиеся к заявлениям о переполненности тюрем или другим физическим условиям содержания под стражей, такие как размер рассматриваемого помещения, его фото или видео, точные измерения температуры или освещения, или любое иное соответствующее заключение эксперта (пункт 113 решения).

КАС устанавливает строгие сроки рассмотрения жалоб. Жалоба должна быть рассмотрена в течение месяца. Кроме того, если существуют особые обстоятельства, требующие безотлагательности, суды должны немедленно рассмотреть иски такого рода. Исполнительный лист должен быть автоматически направлен органу-ответчику в течение одного дня с момента вынесения решения и независимо от того, обратился ли истец с этим запросом (пункт 114 решения).

Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд убежден, что данная процедура снабжена процессуальными гарантиями, такими как независимость и беспристрастность, право на юридическую помощь и другие

гарантии, связанные с состязательным судебным разбирательством. Существуют меры безопасности, учитывающие особую ситуацию, в которой могут находиться заключенные. Нет оснований предполагать, что иски не будут рассмотрены в течение разумного срока или что компенсация не будет выплачена безотлагательно (пункт 115 решения).

Закон о компенсации не определяет сумму компенсации, которая может быть присуждена судами в случае обнаружения нарушения условий содержания под стражей. Закон соотносит компенсации с особенностями обнаруженных нарушений, такими как их характер, продолжительность, последствия и ущерб, при наличии таковых, для здоровья заявителя. В то же время, в пояснительной записке к Закону о компенсации в качестве среднего размера компенсации для расчета финансовых последствий рассматриваемого закона и для целей составления бюджета указывается средняя сумма в 3 000 евро. Суд также отмечает, что в декабре 2018 года и декабре 2019 года Верховный Суд опубликовал обширный обзор постановлений, вынесенных против России Европейским Судом, в которых установлены нарушения различных аспектов условий содержания под стражей. В этом обзоре рассматриваются недавние компенсации в делах, поднимающих различные вопросы, связанные с условиями содержания под стражей, которые обобщаются и распространяются для сведения национальных судей¹⁶ (пункт 116 решения).

¹⁶ Европейский Суд обратил внимание на следующее:

«Ошибка! Только основной документ.. Верховный Суд регулярно выпускает тематические обзоры на русском языке о соответствующей международной практике и стандартах. С января 2015 года Секретариат Верховного Суда публиковал тематические обзоры применимых стандартов в отношении бесчеловечного и унижающего достоинство обращения. Он напоминает судам о необходимости принятия их во внимание в отдельных делах, в том числе, при присуждении компенсации за моральный вред. Два последних изменения были опубликованы в декабре 2018 года и в декабре 2019 года. Эти документы занимают более 300 и 500 страниц, соответственно, и содержат ссылки на сотни постановлений и решений Суда, доклады ЕКПП и другие примеры международной практики. Отдельные разделы содержат цитаты ЕСПЧ по вопросу справедливой компенсации в соответствующих делах против России; в обзоре за декабрь 2019 года около 180 страниц выделено под перевод сотен решений, вынесенных Судом, с подробным описанием каждого аспекта дела, который был учтен в объединенных постановлениях. Обзор также включает в себя примеры конкретных типов жалоб, где не было установлено никаких нарушений или когда жалобы были признаны неприемлемыми коллегиальным органом....

В частности, указанные обзоры охватывают следующие темы:

- условия содержания под стражей, включая специальные подразделы по переполненности, индивидуальному спальному месту, доступу к достаточному освещению и вентиляции, гигиеническим удобствам, качеству пищи, доступу к развлекательным мероприятиям; одиночному заключению; уязвимым заключенным; а также примеры сотен решений Суда о присуждении компенсации в таких делах;

- вопросы медицинской помощи лицам, находящимся под стражей, включая отдельные подразделы, касающиеся наиболее распространенных заболеваний, таких как ВИЧ и туберкулез, психиатрическая помощь; профилактика самоубийств и членовредительства;

Европейский Суд пришел к выводу, что внутригосударственные органы власти и компетентные суды были в достаточной степени проинформированы о критериях, которые необходимо учитывать при выплате компенсации, и о соответствующей практике Суда. Он не усмотрел непосредственной опасности того, что национальные суды будут присуждать компенсации, которые будут «несоизмеримо малы» или не будут «даже приближаться к суммам, обычно выплачиваемым Судом в сопоставимых обстоятельствах» (пункт 117 решения).

Суд вновь подчеркнул, что предметом настоящего решения является потенциальная эффективность внутригосударственного средства правовой защиты в соответствии с Законом о компенсации, а не вопрос о том, утратил ли заявитель свой статус жертвы с учетом сумм, присужденных на национальном уровне. Второй тип оценки может быть произведен в каждом отдельном деле только после использования соответствующего внутригосударственного средства правовой защиты (пункт 118 решения).

Европейский Суд посчитал, что новый Закон о компенсации в общем и целом представляет собой адекватный и эффективный способ получения компенсации и предоставляет заявителям разумные шансы на успех. Соответственно, когда бы ни была подана жалоба на имевшие место нарушения статьи 3 Конвенции в связи с ненадлежащими условиями содержания под стражей, заявители должны исчерпать средства правовой защиты, прежде чем подавать жалобы в Суд (пункт 119 решения).

Вместе с тем, по мнению Суда, он готов изменить свой подход к потенциальной эффективности рассматриваемого средства правовой защиты, если практика внутригосударственных судов покажет, в долгосрочной перспективе, что заявителям было отказано по формальным основаниям, что судебные разбирательства по вопросу о компенсации являются чрезмерно продолжительными, что присужденная компенсация является недостаточной или не выплачена безотлагательно, или что внутригосударственная прецедентная практика не соответствует требованиям Конвенции. Любой такой будущий пересмотр должен включать определение того, применяли ли внутригосударственные органы власти Закон о компенсации способом,

соблюдение требований конфиденциальности, квалификации и независимости медицинского персонала; согласие на медицинскую помощь;

- условия этапирования заключенных, многочисленные примеры решений Суда о присуждении компенсации в таких делах;

- предполагаемые обвинения в жестоком обращении с заключенными, включая подразделы о применении силы и специального оборудования должностными лицами; процессуальные и позитивные обязательства по предотвращению жестокого обращения и расследованию заслуживающих доверия утверждений о жестоком обращении;

- конкретные вопросы, возникающие в связи с содержанием под стражей при психиатрическом лечении;

- распределение бремени доказательства в случаях жестокого обращения» (пункты 57-58 решения).

соответствующим «пилотному» постановлению и стандартам Конвенции в целом (пункт 120 решения).

Условия содержания под стражей в ходе предварительного следствия

Применение к ситуациям, когда содержание под стражей в ходе предварительного следствия закончено

Суд повторил, что когда заявители уже находились на свободе, было бы достаточным предоставить им сугубо компенсаторное средство правовой защиты для того, чтобы обеспечить им справедливую компенсацию за предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции. Соответственно, достаточно проверить, требуется ли соответствующим заявителям исчерпать компенсаторное средство правовой защиты (пункт 122 решения).

Суд может изучить эффективность недавно введенного внутригосударственного средства правовой защиты, даже если оно не было доступно на момент подачи жалобы, когда такое средство правовой защиты вводится на более позднем этапе в ответ на обнаружение Судом проблемы системного характера (пункт 123 решения).

Суд пришел к выводу, что Закон о компенсации в целом представляет собой адекватный и эффективный способ компенсаторного средства правовой защиты в случаях, когда возникают вопросы о ненадлежащих условиях содержания под стражей в ходе предварительного следствия. Суд установил, что Закон напрямую доступен заинтересованным лицам, снабжен необходимыми процессуальными гарантиями, связанными с судебным состязательным производством, что нет оснований полагать, что такие требования не будут рассмотрены в течение разумного срока, или что компенсация не будет выплачена безотлагательно. Он также пришел к выводу, что система предлагает разумные перспективы успеха заявителям для получения компенсации (пункт 124 решения).

Суд также отметил, что Закон о компенсации снабжен переходными положениями, так что он может применяться любым лицом, жалоба которого на ненадлежащие условия содержания под стражей находилась на рассмотрении Суда на момент вступления Закона в силу, в течение 180 дней после такой даты. То же самое относится и к тем, чьи жалобы будут признаны неприемлемыми этим Судом ввиду вступления в силу Закона (пункт 125 решения).

Суд принял, что внутригосударственные суды пока не в состоянии продемонстрировать практику согласно Закону о компенсации. Тем не менее, Суд неоднократно устанавливал, что сомнения в перспективах средства правовой защиты, которое очевидно предусматривает обоснованную возможность компенсации, не является веской причиной для отказа от него (пункт 126 решения).

Соответственно, даже если внутригосударственное средство правовой защиты не было доступно заявителям в то время, когда они обращались в Суд,

Суд посчитал, что ситуация оправдывает отступление от общего правила об исчерпании и требует, чтобы указанные заявители подали запрос о компенсации в соответствии с положениями Закона о компенсации (пункт 127 решения).

Суд признал, что в настоящее время не может определить результат рассмотрения требований заявителей в соответствии с новыми положениями. Тем не менее, как Суд уже отмечал в подобных случаях, заявители могли бы подать новые жалобы в Суд, если их требования к национальным судам по каким-либо причинам окажутся неудовлетворенными. Конечная надзорная юрисдикция Суда сохраняется в отношении любых жалоб, поданных заявителями, которые, в соответствии с принципом субсидиарности, исчерпали имеющиеся возможности получения возмещения. Суд будет по своему усмотрению оценивать соответствие применения национальной практики пилотному постановлению и стандартам Конвенции в целом, в том числе, в отношении стандарта доказывания, применяемого национальными судами (пункт 128 решения).

Принимая во внимание вышеизложенное, Суд пришел к выводу, что жалобы, поданные заявителями, срок содержания которых под стражей в ходе предварительного следствия истек либо отбывшими наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях, являются неприемлемыми вследствие неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты и должны быть отклонены в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции. Европейский Суд также посчитал, что этот же подход будет распространен на все подобные жалобы, то есть, когда заявители подают жалобы на нарушение условий содержания под стражей в ходе предварительного следствия в прошлые периоды (пункты 130-131 решения).

Другие средства правовой защиты и ситуация продолжающегося содержания под стражей в ходе предварительного следствия

Суд пока не оценил, могли ли бы положения КАС, как видно в свете постановлений и разъяснений Верховного Суда, служить эффективным средством правовой защиты, которое отвечало бы требованиям превентивного средства правовой защиты, изложенным в практике Суда (пункт 136 решения).

Подводя итог, принимая во внимание указания, вынесенные Судом в постановлении по делу «Ананьев и другие против России», изменения в законодательстве и на практике и оценку этих мер Комитетом министров, эффективность превентивных мер в отношении лиц, содержащихся под стражей в ходе предварительного следствия в ненадлежащих условиях, еще предстоит оценить. Они могут принимать различные формы в соответствии с принципом субсидиарности. Эти средства правовой защиты должны соответствовать минимальным процессуальным требованиям, изложенным в прецедентной практике Европейского Суда, и должны предоставлять возможность по улучшению не соответствующих требованиям условий содержания под стражей или освобождению лица от таких условий (пункт 137 решения).

Суд посчитал, что на сегодняшний день он не располагает достаточным материалом для оценки эффективности любого такого средства правовой защиты и, в частности, средств судебной защиты в соответствии с КАС, где содержание заявителей под стражей в ходе предварительного следствия еще продолжалось. В связи с этим, Суд просит стороны представить дополнительные замечания с целью выяснения эффективности существующих или новых мер защиты в отношении лиц, содержащихся под стражей в ходе предварительного следствия в условиях, несовместимых со статьей 3 Конвенции (пункт 139 решения).

Условия содержания под стражей в исправительных учреждениях

В качестве отправной точки, Европейский Суд отметил, что применимые положения российского законодательства устанавливают различные стандарты личного пространства для содержания под стражей в ходе предварительного следствия (четыре квадратных метра на одного заключенного) и для заключенных мужского пола в исправительных колониях или тюрьмах (соответственно, два и два с половиной квадратных метра). В то же время, как об этом еще раз напомнил Суд, «когда личное пространство, доступное заключенному, составляет менее трех квадратных метров жилой площади... недостаток личного пространства считается настолько серьезным, что возникает обоснованная презумпция нарушения статьи 3» (пункт 151 решения).

Таким образом, для значительного числа заключенных в уголовно-исправительных учреждениях ненадлежащие условия содержания предопределяются нормами, установленными национальным законодательством. Чтобы оценить эффективность средств правовой защиты, Суду необходимо было провести различие между делами, когда условия содержания заявителей под стражей не соответствовали национальным стандартам, и теми делами, когда минимально доступное пространство соответствовало национальным стандартам, но все же возникал обоснованный вопрос по статье 3 (пункт 152 решения).

Жалобы на условия содержания под стражей, которые не соответствуют национальному стандарту

Принимая во внимание приведенные выше заключения относительно эффективности Закона о компенсации в ситуациях, когда задержание под стражей подошло к концу, и тот факт, что между сторонами нет спора о нарушении применимых национальных стандартов для условий содержания, Суд приходит к выводу, что заявитель, о котором идет речь, оказывается в ситуации, аналогичной ситуации с лицами, чье содержание под стражей в ходе предварительного следствия в прошлом нарушало применимые национальные стандарты. По причинам, изложенным выше, для него, а также для других лиц, находящихся в аналогичной ситуации, новый Закон о компенсации в целом

представляет собой адекватный и эффективный способ получения компенсации и предлагает разумные перспективы на успех (пункт 154 решения).

По тем же причинам, о которых говорилось выше, ожидается, что фактические или потенциальные заявители, оказавшиеся в аналогичной ситуации, то есть в тех случаях, когда жалоба касается прошедшего содержания под стражей в условиях, нарушающих действующие национальные стандарты, также сначала должны использовать компенсационные средства правовой защиты, введенные в январе 2020 года (пункт 156 решения).

Дела, в которых показатели соответствуют национальному стандарту, но ниже минимальных стандартов статьи 3 Конвенции

Власти не оспаривали тот факт, что каждый из заявителей находился или продолжал находиться в исправительных учреждениях в течение относительно длительного периода времени в условиях, когда у них было не более двух квадратных метров жилой площади на человека. Власти сослались на положения национального законодательства и утверждали, что такая ситуация не выявила какого-либо нарушения прав заявителей. В то же время, как объяснено выше, постоянная практика Суда заключалась в том, чтобы рассматривать три квадратных метра жилой площади на человека в качестве соответствующего минимального стандарта в соответствии со статьей 3 Конвенции. Еще до принятия упоминавшегося выше постановления по делу «*Муришич против Хорватии*», Суд был готов согласиться с любым сокращением площади ниже трех квадратных метров на человека только в исключительных случаях и в строго определенных пределах (пункт 159 решения).

Суд не упускает из виду, что в новом Законе о компенсации напрямую упоминаются стандарты условий содержания под стражей, которые «регулируются законодательством Российской Федерации и международными соглашениями Российской Федерации». Он также отметил, что Верховный Суд назвал «международные обязательства России» необходимым стандартом при оценке соблюдения условий содержания, а также указал на необходимость учета документов, принятых компетентными международными организациями, включая Совет Европы¹⁷ (пункт 160 решения).

Суд установил, что для оценки эффективности превентивных мер правовой защиты в контексте содержания под стражей в ходе предварительного следствия необходимо выяснить, соответствуют ли они минимальным процессуальным требованиям, изложенным в прецедентной практике Суда, и дают ли они возможность издавать распоряжения об улучшении не соответствующих

¹⁷ См. пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания».

требованиям условий содержания под стражей или об удалении лица из таких условий. Эта оценка должна проводиться с учетом мер, принятых российскими властями для устранения коренных причин нарушений и улучшения ситуации в целом. Аналогичным образом, Суд считает, что он не располагает достаточным материалом для оценки эффективности любого такого средства правовой защиты, и в частности, средств судебной защиты в соответствии с КАС. В связи с этим, Суд предлагает сторонам представить дополнительные замечания, в соответствии с подпунктом «с» пункта 2 Правила 54 Регламента Суда, с целью выяснения эффективности каких-либо превентивных мер в отношении лиц, содержащихся в исправительных учреждениях в условиях, несовместимых со статьей 3 Конвенции (пункт 162 решения).

право на справедливое судебное разбирательство (рассмотрение дел об административных правонарушениях)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 74467/10 «**Атюков против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 9 июля 2019 г.), которым установлено нарушение пунктов 1 и 3 (б) статьи 6 Конвенции в связи с необеспечением справедливости производства по административному делу заявителя.

Заявитель жаловался на несправедливость судебного разбирательства по административному делу в его отношении. В частности, он утверждал, что не мог получить очную ставку со свидетелями Д., П., Кр., Е., чьи свидетельские показания имели решающее значение для признания его виновным, и что он не мог добиться присутствия свидетелей А., Дем., Кух. и У.

Суд обратил внимание на то, что единственным свидетелем, дававшим показания против заявителя в суде, был полицейский Ил. Тот же самый полицейский составлял протокол об административном правонарушении и возбудил дело против заявителя. И свидетельские показания Ил., и протокол об [административном] правонарушении являлись именно теми доказательствами, на которые опирались судебные власти при определении уголовного обвинения против заявителя (пункт 28 постановления).

Европейский Суд отметил, что для проверки версии событий, изложенных полицейским, мировой судья М. всего лишь сослалась на письменные показания понятых — Кр., П. и Е., а также на письменные показания врача Д. Мировой судья явным образом отказалась вызвать этих свидетелей для дачи показаний в суде и попросила полицию допросить их и подготовить их письменные показания. При таких обстоятельствах Суд полагает, что у Кр., П., Е. и Д. не было уважительной причины для неявки в суд (пункт 29 постановления).

Суд согласился с тем, что показания, данные этими свидетелями, были решающими в деле заявителя, что и не оспаривалось Властями. Они обладали информацией из первых рук об основных фактах, лежащих в основе выдвинутые против заявителя обвинения в деле, где полиция играла активную роль в оспариваемых событиях.

Суд пришел к выводу, что со стороны национальных судебных властей не было предпринято никаких усилий, чтобы использовать какие-либо уравнивающие меры для компенсации трудностей, испытанных заявителем в связи с приобщением к доказательствам письменных показаний свидетелей (пункт 31 постановления).

Таким образом, по мнению Европейского Суда, имело место нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

См. также вышеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе № 5865/07 *«Буткевич против Российской Федерации»* (вынесено 13 февраля 2018 г., вступило в силу 2 июля 2018 г.)¹⁸, которым установлено, в том числе, нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с нарушением права заявителя на справедливое судебное разбирательство по делу заявителя об административном правонарушении.

В сфере семейных правоотношений

вопросы применения судами положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 15122/17 *«Владимир Ушаков против Российской Федерации»* (вынесено 18 июня 2019 г., вступило в силу 18 сентября 2019 г.), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с необеспечением судами справедливого баланса интересов заявителя, его бывшей супруги и их несовершеннолетней дочери при рассмотрении вопроса об определении места жительства ребенка, вызванным, по мнению Европейского Суда, ненадлежащим толкованием и применением Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года.

^{18 18} См. подраздел «право на свободу и личную неприкосновенность» раздела «В сфере административно-правовых отношений».

Заявитель жаловался, что отказ городского суда в удовлетворении его заявления о возвращении его дочери в Финляндию составляет нарушение его права на уважение семейной жизни, предусмотренного статьей 8 Конвенции.

Европейский Суд обратил внимание на то, что в сфере международного похищения детей обязательства, возлагаемые статьей 8 Конвенции на Договаривающиеся Страны, должны толковаться в свете требований Гаагской [к]онвенции [о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года] и Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года, а также соответствующих правил и принципов международного права, применимых к отношениям между Договаривающимися сторонами (пункт 77 постановления).

По мнению Суда, решающий вопрос заключался в том, был ли соблюден справедливый баланс, который должен существовать между противоборствующими интересами – интересами ребенка, обоих родителей и общественного порядка – в рамках пределов усмотрения, предоставляемых Государствам в данных вопросах, принимая во внимание, однако, что наилучшие интересы ребенка должны учитываться в первую очередь и что цели предотвращения и незамедлительного возвращения согласуются с особой концепцией «наилучших интересов ребенка» (пункт 78 постановления).

Европейский Суд отметил, что «[с]уществует ясно выраженный консенсус, в том числе в международном праве, в поддержку мнения о том, что во всех решениях, касающихся детей, превыше всего следует ставить наилучшие интересы детей. Та же философия, по мнению Суда, присуща Гаагской [к]онвенции, которая увязывает этот интерес с восстановлением прежней ситуации посредством решения, предписывающего незамедлительное возвращение ребенка в страну его постоянного проживания в случае незаконного похищения, принимая при этом во внимание факт, что невозвращение может иногда быть оправданным по объективным причинам, которые соответствуют интересам ребенка, объясняя тем самым наличие исключений, в частности, в случае серьезного риска того, что возвращение ребенка причинит ему физическую или психологическую травму или иным образом поставит ребенка в невыносимое положение (см. подпункт «b» пункта 1 статьи 13 Гаагской [к]онвенции)» (пункт 79 постановления).

При этом, далее подчеркнул Суд. «[и]нтересы ребенка включают два аспекта. С одной стороны, интересы ребенка диктуют необходимость сохранения связей ребенка с его семьей, за исключением случаев, когда семья является особенно непригодной для его проживания. Из этого следует, что семейные узы могут быть разорваны только при исключительных обстоятельствах и что должны быть приняты все возможные меры для сохранения личных отношений и, при необходимости, для «восстановления» семьи. С другой стороны, совершенно ясно, что в интересах ребенка необходимо обеспечить его развитие в благоприятной для него среде, и нельзя заставить родителя в соответствии со статьей 8 [Конвенции] принять такие

меры, которые нанесут вред здоровью и развитию ребенка» (пункт 80 постановления).

«Таким образом, обратил внимание Суд, в контексте требования о возвращении, выдвинутого в соответствии с Гаагской [к]онвенцией, которое, соответственно, отличается от производств по делам об опеке, концепция наилучших интересов ребенка должна оцениваться в свете исключений, предусмотренных Гаагской Конвенцией, которые касаются прошедшего периода времени (статья 12), условий применения Конвенции (пункт «а» статьи 13) и существования «серьезного риска» (пункт «b» статьи 13), а также соблюдения запрашиваемым Государством основополагающих принципов, касающихся защиты прав человека и основных свобод (статья 20). Эта задача в первую очередь возлагается на внутригосударственные органы власти запрашиваемого Государства, которые, *inter alia*, имеют преимущество непосредственного контакта с заинтересованными сторонами. В выполнении их задачи согласно статье 8 [Конвенции] внутригосударственные суды обладают свободой усмотрения, которая, однако, находится под европейским надзором. Следовательно, Суд компетентен рассмотреть процедуру, используемую национальными судами, в частности, установить, обеспечивают ли национальные суды в ходе применения и толкования положений Гаагской [к]онвенции гарантии Конвенции и, в особенности, гарантии статьи 8 [Конвенции]» (пункт 81 постановления).

«Сбалансированное толкование Европейской Конвенции и Гаагской [к]онвенции может быть достигнуто, подчеркнул Европейский Суд, при условии соблюдения двух условий. Во-первых, факторы, могущие представлять собой исключения для немедленного возвращения ребенка при применении статей 12, 13 и 20 Гаагской [к]онвенции, особенно если они заявлены одной из сторон судопроизводства, должны быть действительно приняты во внимание запрашиваемым судом. Затем суд должен вынести решение по данному вопросу, которое будет достаточно обоснованным, чтобы позволить Европейскому Суду подтвердить, что эти вопросы были рассмотрены надлежащим образом. Во-вторых, эти факторы должны быть оценены с учетом статьи 8 Конвенции» (пункт 81 постановления).

«[С]татья 8 Конвенции, указал Европейский Суд, налагает на внутригосударственные органы власти особое процессуальное обязательство в этом отношении: при оценке требования о возвращении ребенка судам надлежит рассматривать не только подлежащие доказыванию утверждения о «серьезном риске» для ребенка в случае его возвращения, но они также должны выносить решения, приводя конкретные основания в свете обстоятельств дела. И отказ учитывать возражения в отношении возвращения, которые могли подпадать под действие статей 12, 13 и 20 Гаагской [к]онвенции, и недостаточная аргументация при вынесении решения об отклонении таких возражений противоречили бы требованиям статьи 8 Конвенции, а также целям и задачам Гаагской [к]онвенции. Необходимо

надлежащее рассмотрение таких утверждений, подтверждаемое обоснованием национальными судами, являющимся не автоматическим и шаблонным, а достаточно подробным в свете предусмотренных Гаагской [к]онвенцией исключений, которые должны толковаться. Это также позволит Европейскому Суду, задача которого заключается не в том, чтобы подменять собой внутригосударственные суды, осуществлять возложенный на него европейский надзор» (пункт 82 постановления).

Суд отметил, что «взаимное общение родителя и ребенка является одним из основных элементов «семейной жизни» по смыслу статьи 8 Конвенции... Следовательно, взаимоотношения между заявителем и его дочерью подпадают под понятие семейной жизни согласно статье 8 Конвенции. Исходя из этого, необходимо определить, имело ли место неуважение семейной жизни заявителей. «Уважение» к семейной жизни подразумевает обязательство государства действовать так, чтобы семейные узы нормально развивались в привычном порядке» (пункт 84 постановления).

Было установлено, что в феврале 2015 года, когда супружеская пара находилась в середине бракоразводного процесса и производства по вопросу опеки в Финляндии, мать ребенка увезла ребенка, которому на тот момент было два года и один месяц, в Россию и больше не возвращала в Финляндию. В связи с этим, первоначальное вмешательство в право заявителя на уважение его семейной жизни не может быть отнесено к действию или бездействию Властей государства-ответчика, а связано скорее с действиями частного лица (пункт 85 постановления).

«Тем не менее, согласно позиции Суда, такое действие налагает на Власти государства-ответчика позитивные обязательства обеспечить соблюдение права заявителя на семейную жизнь, которое включает принятие мер в соответствии с Гаагской [к]онвенцией для немедленного воссоединения его с ребенком... В связи с этим остается выяснить, выполнила ли Россия, исполняя ее обязательства в соответствии с Гаагской [к]онвенцией, свои позитивные обязательства согласно статье 8 Конвенции» (пункт 86 постановления).

Было отмечено, что окончательным постановлением от 3 февраля 2016 года городской суд отказал в удовлетворении ходатайства заявителя о возвращении В. в Финляндию, что представляло собой вмешательство в его право на уважение семейной жизни. Это вмешательство имело правовое основание в Гаагской [к]онвенции, которая вступила в силу между Россией и Финляндией 1 января 2013 года, и городской суд действовал, по его мнению, в соответствии с законной целью и с целью защиты прав и свобод ребенка (пункт 87 постановления).

Суд должен был определить, являлось ли рассматриваемое вмешательство «необходимым в демократическом обществе» в значении пункта 2 статьи 8 Конвенции, с учетом соответствующих международных документов, и были ли учтены надлежащим образом наилучшие интересы

ребенка при установлении баланса конкурирующих интересов, в пределах свободы усмотрения, предоставляемой государству в таких вопросах. Для этого Суд рассмотрел аргументацию, представленную городским судом в его постановлении (пункт 88 постановления).

Суд отметил, что согласно статье 3 Гаагской [к]онвенции, перемещение или удержание ребенка рассматриваются как незаконные, если «они осуществляются с нарушением прав опеки, которыми было наделено какое-либо лицо ... в соответствии с законодательством государства, в котором ребенок постоянно проживал до его перемещения или удержания» (пункт 89 постановления).

В Пояснительном докладе указывалось, что «понятие постоянного места проживания является просто вопросом факта, отличным в этом отношении от места регистрации. В нем также подчеркива[лось], что с точки зрения Гаагской [к]онвенции, перемещение ребенка одним из совместных опекунов без согласия другого, в равной степени неправомерно, и такая неправомерность возникает в данном конкретном деле не из определенного действия в нарушение конкретного законодательства, а из того факта, что такое действие игнорирует права другого родителя, которые также защищены законом, и вмешивается в их нормальное осуществление. В Пояснительном докладе также разъясня[лось], что приведение в движение механизма Конвенции [о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей] по возвращению ребенка полностью зависит от того, считается ли перемещение или удержание ребенка неправомерным в соответствии с Конвенцией, и в отсутствие такой неправомерности перемещения или удержания, не возникает каких-либо обязательств по его возвращению» (пункт 90 постановления).

Суд обратил внимание на то, что, по мнению городского суда, «Финляндия не являлась страной постоянного проживания В. с учетом следующих обстоятельств: стороны производства и ребенок являлись гражданами России и имели зарегистрированное место жительства в России; В. не имела действительного разрешения на жительство в Финляндии; с февраля 2015 года она проживала постоянно в Санкт-Петербурге, где наблюдалась в медицинских учреждениях и посещала детский сад; на момент ее перемещения ей было два года и один месяц, она уже провела три месяца (с июля по октябрь 2013 года) в Норвегии; она не говорила на финском языке и не была интегрирована в социальную среду Финляндии. Городской суд также счел, что так как постановление окружного суда г. Вантаа от 23 декабря 2014 года – которое определило место проживания В. вместе с заявителем в Финляндии – не вступило в силу на момент перемещения ребенка в феврале 2015 года, действия И.К. по перемещению В. в Россию и ее удержание там не являлось незаконным в целях Гаагской [к]онвенции. В итоге городской суд отказал в удовлетворении ходатайства заявителя о возвращении его дочери в Финляндию на тех основаниях, что состояние ее здоровья, судя по документам,

содержащимся в материалах дела, представляло собой исключение из требования о ее немедленном возвращении во исполнение статьи 13 (b) Гаагской [к]онвенции» (пункт 91 постановления).

В рассматриваемом отношении Суд должен был убедиться в том, «обеспечивали ли вышеуказанные толкование и применение положений Гаагской [к]онвенции городским судом гарантии прав заявителя согласно статье 8 Конвенции. Суд [подчеркнул], в первую очередь, что отказ городского суда признать Финляндию постоянным местом проживания В. не увязывается с фактами настоящего дела. Суд отме[тил], в частности, что дочь заявителя родилась в декабре 2012 года в Финляндии, где она жила все время до ее перемещения в Россию в феврале 2015 года. Временно находясь у ее бабушки в Норвегии с июля по октябрь 2013 года, В. не прекратила являться постоянным резидентом в Финляндии. Равно как и И.К. не могла создать новое постоянное место проживания В. в России, где ребенок не бывал раньше, до дня ее перемещения из Финляндии. При определении места постоянного жительства В. для целей статьи 3 Гаагской [к]онвенции городскому суду следовало принимать во внимание только те обстоятельства, которые непосредственно предшествовали перемещению В. из Финляндии, а не обстоятельства после ее переезда» (пункт 92 постановления).

Суд отметил, что «вывод городского суда о том, что перемещение и удержание ребенка в России не являлись незаконными в отсутствие окончательного постановления финских судов, определяющих место проживания В. вместе с заявителем в Финляндии, противоречит явному значению статьи 3 Гаагской [к]онвенции, которое следует из текста документа, Пояснительного доклада и общепризнанной практики... В этой связи Суд [обратил внимание на то], что в случае отсутствия окончательного постановления финских судов, определяющих вопросы опеки и проживания ребенка, согласно финскому законодательству, заявитель и И.К. имели совместную опеку над ребенком, которую они на деле оба осуществляли... Суд также отмечает, что перемещение и удержание ребенка в Россию матерью произошло без ведома и согласия заявителя, что нарушало его права, защищаемые законом, и препятствовало их обычному осуществлению. Следовательно, судя по всему, положения применимого законодательства в настоящем деле были истолкованы и применены таким образом, что делало бессмысленным отсутствие согласия заявителя на перемещение В. в Россию и последующее пребывание там для постоянного проживания» (пункт 93 постановления).

Суд обратил внимание на то, что независимо от отказа признать Финляндию страной постоянного проживания В. и что перемещение В. являлось нарушением Гаагской [к]онвенции, городской суд с самого начала не отказался от применения статьи 3 Гаагской [к]онвенции, а продолжил рассмотрение вопроса будет ли возвращение В. противоречить ее интересам, и пришел к выводу, что состояние ее здоровья является основанием для

исключения требования о ее возвращении, во исполнение статьи 13 (b) Гаагской [к]онвенции (пункт 95 постановления).

Суд подчеркнул, что «именно мать ребенка, И.К., возражала против возвращения ребенка. Поэтому ей необходимо было представить и обосновать потенциальное заявление об особых рисках согласно статье 13 (b) Гаагской [к]онвенции... Хотя указанное положение не является ограничительным в отношении конкретного характера «серьезного риска» – который мог повлечь не только причинение «физического или психологического вреда» ребенку, но также поставить его в «невыносимые условия» – его не следует понимать, с учетом статьи 8 Конвенции, в том смысле, что оно включает в себя все затруднения, обязательно сопровождающие процедуру возврата. Оно не может возникнуть исключительно ввиду разделения с родителем, который отвечал за незаконное перемещение или удержание. Исключение, предусмотренное статьей 13 (b), касается только ситуаций, которые выходят за рамки обстоятельств, в которых, как обоснованно ожидается, может оказаться ребенок» (пункт 97 постановления).

В настоящем деле И.К. возражала против возвращения В. в Финляндию, приводя следующие аргументы: что В. уже обжилась в новых условиях в России, что ее дочь не говорила на финском языке, и что ее возвращение в Финляндию приведет к их разделению и таким образом нанесет ей психологическую травму. Она также указала, что В. была привезена в Россию, чтобы она могла получить медицинскую помощь, в которой нуждалась, и, наконец, что заявитель страдал психическим расстройством.

Хотя районный суд, рассматривая данное дело в первой инстанции, надлежащим образом изучил все доводы, приведенные И.К., и заключил, что не имелось никаких обстоятельств, которые могли бы представлять собой исключение согласно статье 13 (b) Гаагской конвенции для возвращения В. в Финляндию, городской суд, действуя в качестве апелляционного суда, ограничил его оценку простой ссылкой на «многочисленные медицинские показания В.», которые могли принести ей физический вред в случае ее возвращения в Финляндию. Таким образом, он квалифицировал состояние здоровья ребенка как исключение из требования к ее возвращению согласно статье 13 (b) Гаагской Конвенции (пункт 99 постановления).

Суд обратил внимание на то, что «медицинские документы, на которые сослался городской суд, свидетельствуют о том, что у В. отмечались многочисленные, довольно распространенные заболевания, наблюдающиеся у многих детей, а именно, атопический дерматит, аллергический ринит, мышечная гипотензия, плоскостопие, железодефицитная анемия и задержка речи, и что необходимое ей лечение включало наблюдение медицинскими специалистами, специальную диету, прием лекарств, массаж, ношение специальной ортопедической обуви, плавание, развитие мелкой и общей моторики, участие в творческих занятиях, суставную гимнастику и проведение вестибулярного стимулирования. Власти также сослались на заключение

психолога... центра комплексной реабилитации и развития ребенка, в котором указывалось, что В. регулярно наблюдается у детского психолога, который считает, что мать В. является единственным лицом, которое может обеспечить ей необходимый уход, и что любая смена места жительства может нанести вред психическому развитию В.» (пункт 100 постановления).

Однако Суд отметил, что «текст апелляционного определения городского суда от 3 февраля 2016 года не содержит каких-либо описаний медицинских заболеваний В. В указанном [определении] также не упоминается, какое лечение требуется ребенку, какой курс лечения В. проходит в настоящее время в России или доступность аналогичного лечения в Финляндии. Не дано никакой оценки других возражений И.К. в отношении возвращения В. в Финляндию, что было важно для оценки наилучших интересов В., в частности, повлечет ли возвращение В. в Финляндию разделение с ее матерью (имеет ли И.К. доступ в Финляндию, будут ли к ней применены какие-либо штрафные санкции в случае ее возвращения туда, может ли заявитель лишить ее права опеки или помешать ей видеться с ребенком, и так далее)» (пункт 101 постановления).

В этом отношении Суд посчитал, что поскольку могли существовать обстоятельства, которые могли обосновать применение исключения согласно статье 13 (b) Гаагской конвенции из общего правила немедленного возвращения ребенка, но которые не были упомянуты в решениях национальных судов, в задачи Суда не входит замещение национальных органов и исполнение их функций.

Суд пришел к выводу, что городской суд не рассмотрел надлежащим образом и не вынес достаточно обоснованное решение о том, представляло ли состояние здоровья В., или другие обстоятельства, приведенные И.К., основание для применения исключения к ее немедленному возвращению согласно статье 13 (b) Гаагской конвенции, а также не оценил это в свете статьи 8 Конвенции. По мнению Европейского Суда, толкование и применение положений Гаагской конвенции городским судом не обеспечивало гарантий статьи 8 Конвенции, что вмешательство в право заявителя на уважение его семейной жизни не являлось «необходимым в демократическом обществе» в значении пункта 2 статьи 8 Конвенции, и что Власти государства-ответчика не исполнили их позитивные обязательства по статье 8 Конвенции, касающиеся обеспечения права заявителя на уважение его семейной жизни. Соответственно, в настоящем деле было допущено нарушение статьи 8 Конвенции (пункт 103-105 постановления).

По настоящему делу было высказано особое (несовпадающее) мнение судьи *Дедова Д. И.* (судья от Российской Федерации).

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

право на жизнь

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 26586/08 «**Ибрагимов против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 28 ноября 2017 г.), которым установлено нарушение статьи 2 Конвенции в связи с необеспечением надлежащий медицинской помощи Р. (сыну заявителя) во время его содержания в пенитенциарных учреждениях, что повлекло его смерть, а также в связи с непроведением эффективного расследования обстоятельств смерти Р.

Ссылаясь на статьи 2 и 13 Конвенции, заявитель жаловался на то, что власти не обеспечили его сыну надлежащий медицинский уход во время содержания под стражей, и что, следовательно, они несут ответственность за его страдания и смерть. Он также жаловался на то, что расследование по факту смерти его сына было неэффективным.

Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отметил, что сын заявителя заболел туберкулезом и скончался во время отбывания наказания, находясь при этом под контролем властей. Для того чтобы установить, выполнило ли государство-ответчик свое обязательство по защите жизни, предусмотренное статьей 2 Конвенции, Суд должен рассмотреть вопрос о том, сделали ли внутригосударственные органы власти все возможное добросовестным и своевременным образом, чтобы предотвратить фатальный исход в настоящем деле (пункт 36 постановления).

Суд обратил внимание на то, что «7 апреля 2005 года у Р. был диагностирован туберкулез. Пятью днями позже было проведено исследование на чувствительность к препаратам. Не дожидаясь результатов исследования, медицинские сотрудники начали лечение препаратами первой линии. Лечение не дало положительных результатов. В течение трех последующих месяцев, до получения результатов исследования 18 июля 2005 года, корректировка курса лечения не рассматривалась, несмотря на резкое ухудшение состояния здоровья Р. Своевременная реакция не последовала, даже когда лечащий врач Р. узнал о резистентности туберкулезной палочки к лекарственным препаратам. Несмотря на серьезное заболевание пациента, для корректировки курса его лечения потребовалось еще десять дней. Принимая во внимание показания Б....., тот необычный способ, которым 28 июля 2005 года в историю болезни была внесена запись....., и отсутствие какой-либо информации о фактическом приеме новых препаратов, несмотря на законное требование регистрировать в таблице каждый прием антибактериальных

препаратов, Суд сомневается в том, что лечение сильными антибиотиками вообще началось» (пункт 37 постановления).

Суд отметил, что «даже без установления того, был ли в итоге начат новый курс лечения, [имеются основания для утверждения], что лечение Р. явно было некачественным, в первую очередь из-за того, что он не получал эффективные препараты почти четыре месяца после диагностирования туберкулеза» (пункт 38 постановления).

По мнению Суда, «[с]толь долгая задержка, усугубленная быстрым течением болезни, не могла быть оправдана запоздалым получением результатов исследования на чувствительность к препаратам, которые могли и должны были быть получены в течение нескольких дней после проведения исследования. Суд отме[тил], что ничто не мешало областному диспансеру распорядиться о проведении нового исследования вместо того, чтобы ожидать результатов старого исследования, особенно учитывая утверждение властей о том, что диспансер имел все необходимое оборудование и персонал для лечения туберкулеза. Даже если допустить, что власти не могли быстро получить результаты исследований, они могли рассмотреть возможность изменения схемы лекарственного лечения, учитывая ее абсолютную неэффективность и быстрое ухудшение состояния здоровья Р., что являлось признаком того, что лечение не помогает. Наконец, для определения типа туберкулеза, которым заболел Р., власти могли попытаться установить источник заболевания среди сокамерников Р. Однако, власти не использовали ни одну из этих возможностей. Вместо этого они продолжали неэффективное лечение» (пункт 39 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что сын заявителя был лишен эффективных медикаментов в течение длительного периода. Суд не смог исключить возможность того, что отсутствие такого лечения привело к необратимым изменениям в состоянии его здоровья, что и привело к его смерти. При таких обстоятельствах, по мнению Суда, власти не выполнили свои позитивные обязательства по защите жизни Р., предусмотренные статьей 2 Конвенции.

Суд уже устанавливал, что если человек умирает в заключении при обстоятельствах, потенциально влекущих ответственность государства, даже если явной причиной смерти стала болезнь, статья 2 Конвенции налагает на государство обязанность по обеспечению эффективного расследования. В настоящем деле Суд пришел к выводу о том, что смерть Р. в заключении и утверждение его отца о ненадлежащем медицинском лечении, вызвали возникновение у государства обязанности по обеспечению эффективного и тщательного расследования, как того требует статья 2 Конвенции. Он напомнил, что требование тщательности означает, что власти должны всегда предпринимать серьезные попытки для выяснения обстоятельств и не должны полагаться на поспешные или плохо обоснованные выводы для прекращения расследования (пункт 43 постановления).

Суд установил, что в сентябре 2006 года заявитель подал заявление о возбуждении уголовного дела по факту смерти его сына. В следующем месяце, получив от медицинских органов общую информацию о лечении Р. и о причине его смерти, следственные органы отказали в возбуждении уголовного дела. Несмотря на то, что районный суд выявил серьезные недостатки в проверке, его решение было отменено вышестоящим судом. После повторного рассмотрения дела внутригосударственные суды подтвердили решение следственных органов, сочтя его законным и обоснованным (пункт 44 постановления).

Суд не смог согласиться с этим выводом. Он отметил, что несмотря на утверждения заявителя о халатности медицинских сотрудников, следственные органы не получили копию истории болезни его сына. Они не опросили лечащих врачей его сына и не провели оценку качества медицинского ухода за Р. Следственные органы не попытались добросовестно выяснить, было ли возможно диагностировать туберкулез на более раннем сроке, провести исследование на чувствительность к медицинским препаратам и своевременно получить результаты, а также скорректировать курс лечения, как только его неэффективность стала очевидной (пункт 45 постановления).

С учетом приведенных выше соображений Суд пришел к выводу о том, что власти не провели эффективного расследования обстоятельств смерти сына заявителя. Поэтому, было допущено нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 24132/12 *«Каимова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 ноября 2017 г.), которым установлено нарушение статьи 2 Конвенции в связи с необеспечением надлежащий медицинской помощи Каимову М.Л.-А. в пенитенциарных учреждениях, что повлекло его смерть, а также в связи с непроведением эффективного расследования обстоятельств его смерти.

право на свободу и личную неприкосновенность

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 47230/11 *«Богосьян против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 9 января 2018 г.), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным содержанием заявителя под стражей в отсутствие судебного решения.

Заявитель жаловался на то, что его заключение не было основано на

судебном решении в нарушение статьи 5 Конвенции.

Как усматривалось из текста постановления, «заявитель изначально содержался под стражей на основании постановления районного суда от 8 июля 2011 года, в соответствии с которым допустимый срок его содержания был продлен до 10 августа 2011 года. После указанной даты он оставался под стражей без судебного решения, исключительно в силу утверждения прокурора о том, что продление срока не требовалось¹⁹. Семь дней спустя областной суд поддержал точку зрения прокурора и отменил постановление [судьи] о заключении под стражу от 8 июля 2011 года, установив, что согласно национальному законодательству продление срока не требовалось, поскольку дело было уже [направлено] на рассмотрение [суда]» (пункт 13 постановления).

Ранее Суд уже указывал на то, что «часть 2 статьи 255 УПК РФ в толковании внутригосударственных органов власти допускает содержание обвиняемого под стражей без постановления суда на срок до шести месяцев [со дня поступления уголовного дела в суд]. Постановление суда требовалось лишь в том случае, если срок содержания под стражей «в процессе рассмотрения дела в суде» превысил шесть месяцев» (пункт 14 постановления).

Суд аналогичным образом устанавливал нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции во многих делах против России, связанных с практикой содержания обвиняемых под стражей лишь на том основании, что их дело было направлено в суд первой инстанции. Суд признавал, что практика содержания обвиняемых под стражей без санкции суда несовместима с принципами правовой определенности и защиты от произвола, которые закреплены в Конвенции, и принципом верховенства закона (пункт 15 постановления).

«Период содержания заявителя под стражей с 10 августа по 17 августа 2011 года, по мнению Суда, не регулир[овался] никаким постановлением о заключении под стражу, следовательно, указанное содержание под стражей являлось произвольным. Кроме того, после отмены постановления о заключении под стражу от 8 июля 2011 года весь последующий период с 8 июля по 17 августа 2011 года аналогичным образом не регулировался никаким судебным актом. Эта ситуация противоречит национальному законодательству и требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункт 16 постановления).

¹⁹ 9 августа 2011 года начальник СИЗО, где содержался заявитель, сообщил прокурору и председателю районного суда, что при отсутствии постановления о продлении срока заключения заявителя 10 августа его необходимо будет освободить. В тот же день прокурор ответил ему, что основания для освобождения заявителя отсутствуют, поскольку слушание по представлению прокурора об отмене постановления районного суда от 8 июля назначено на 17 августа. Заявитель не был освобожден 10 августа. Он жаловался на незаконное содержание под стражей главе Следственного комитета и региональному главе Министерства внутренних дел, но не получил никакого ответа.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 43149/10 *«Андрей Смирнов против Российской Федерации»* (вынесено 13 февраля 2018 г., вступило в силу 13 мая 2018 г.), которым установлено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с необоснованно длительным содержанием заявителя под стражей; статьи 8 Конвенции - ввиду ограничения количества свиданий заявителя с его родственниками и отделением заявителя от родителей стеклянной перегородкой.

Заявитель жаловался, что суды не имели «соответствующих и достаточных» оснований для применения меры пресечения, связанной с лишением свободы, в нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Суд повторил, что вторая часть пункта 3 статьи 5 Конвенции не дает судебным органам выбора между преданием обвиняемого суду в разумный срок или условным освобождением его из-под стражи до суда. Презумпция невиновности действует в пользу освобождения. Обоснованность нахождения обвиняемого под стражей должна определяться в каждом случае с учетом фактов и специфики дела (пункт 24 постановления).

Европейский Суд установил, что заявитель был помещен под стражу 16 ноября 2009 года и 25 марта 2010 года был приговорен к лишению свободы. Таким образом, рассматриваемый период содержания под стражей составил четыре месяца и семь дней. Суд не принял аргумент Властей о том, что данный период был столь коротким, что не поднимает вопроса согласно пункту 3 статьи 5 Конвенции. Пункт 3 статьи 5 Конвенции, вновь отметил Суд, не может рассматриваться как безусловно разрешающий содержание лица под стражей, при условии, что оно не превышает определенного срока. Обоснованность любого периода содержания под стражей, независимо от его продолжительности, должна быть убедительно продемонстрирована Властями, и требование предоставить «соответствующие и достаточные» мотивы применяется с момента, когда судья в первый раз рассматривает необходимость помещения подозреваемого под стражу на стадии предварительного следствия (пункт 25 постановления).

Как подчеркнул Суд, «[р]оссийские суды выносили постановления и продлевали сроки содержания заявителя под стражей, полагаясь на три довода: тяжесть предъявленных ему обвинений, тот факт, что он отказался от данных ранее показаний, и необходимость обеспечить исполнение обвинительного приговора... Ввиду того, что Власти ссылались на предполагаемый риск того, что на свидетелей или на потерпевшего будет оказано давление, Суду нет необходимости определять, оправдывал ли такой риск продолжительное содержание заявителя под стражей, так как этот факт не упомянут в постановлении национального суда» (пункт 26 постановления).

«Вынося постановления по вопросу содержания заявителя под стражей, продолжил Суд, российские суды постоянно ссылались на тяжесть предъявленных обвинений как на основной фактор для оценки потенциально

возможной попытки заявителя скрыться от правосудия или воспрепятствовать отправлению правосудия. Но, как неоднократно указывал Суд, хотя строгость грозящего заявителю наказания имеют значение для оценки опасности того, что он скроется от следствия и суда либо продолжит заниматься преступной деятельностью, необходимость продления срока содержания под стражей не может оцениваться с чисто абстрактной точки зрения, когда во внимание принимается только тяжесть совершенного преступления. Это особенно верно в делах, подобных настоящему, где характеристика фактов по закону (и, следовательно, приговор, вынесенный заявителю) определялась стороной обвинения без судебного рассмотрения того, поддерживают ли собранные доказательства обоснованное подозрение в совершении заявителем вменяемого ему преступления» (пункт 27 постановления).

Что касается двух других оснований, на которые ссылались национальные суды, Суд повторил, что «заявитель должен пользоваться презумпцией невиновности до признания его виновным. Применение содержания под стражей как формы наказания за его решение не свидетельствовать против себя или ожидать назначения наказания, связанного с лишением свободы, являлось несовместимым с требованием пункта 3 статьи 5 [Конвенции]» (пункт 28 постановления).

Суд обратил внимание на то, что «формулировка решений о заключении под стражу — такого как апелляционное определение от 11 декабря 2009 года..., в котором перечислялись основания, ограничивающие доводы в пользу освобождения заявителя, что позвол[ило] лишь сделать вывод о том, что ни одно из них не могло перевесить ходатайство следователя... о заключении заявителя под стражу — перекладывая бремя доказывания на лицо, содержащееся под стражей. Суд уже утверждал, что эта практика не согласуется с презумпцией в пользу освобождения, и равнозначна отмене правила, установленного статьей 5 Конвенции, в которой заключение под стражу является исключительным отступлением от права на свободу» (пункт 29 постановления).

Суд также отметил, что национальные суды никогда не рассматривали возможность применения альтернативных мер пресечения для обеспечения появления заявителя в суде, и что, после начала судебного разбирательства по делу, они использовали такую же краткую формулировку для продления срока содержания под стражей заявителя и его сообвиняемого, без детального описания личной ситуации каждого. В сложившейся прецедентной практике Европейского Суда коллективные постановления о содержании под стражей без оценки оснований для заключения под стражу в отношении каждого обвиняемого не соответствуют пункту 3 статьи 5 Конвенции (пункт 30 постановления).

Соответственно, по мнению Суда, было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Заявитель также жаловался на нарушение статьи 8 Конвенции в связи с отказом в свидании с родителями от 20 января 2010 года, ограничением на частоту таких свиданий в течение периода его содержания под стражей, и тем, что во время свиданий он был отделен от родителей стеклянной перегородкой.

Сославшись на свою прецедентную практику, Суд вновь отметил, что «при тюремном заключении лицо лишается права на свободу, но продолжает пользоваться всеми другими основополагающими правами и свободами, включая право на уважение семейной жизни, так что любое ограничение таких прав должно быть обосновано в каждом индивидуальном случае» (пункт 35 постановления).

По мнению Суда, «[т]юремное заключение, как любая другая мера, лишаящая лицо свободы, влечет за собой неотъемлемые ограничения частной и семейной жизни такого лица, требуется определенный контроль за контактами заключенного с внешним миром, и этот контроль сам по себе не является несовместимым с Конвенцией. Тем не менее, существенным элементом права заключенного на уважение семейной жизни является то, что Власти дают ему возможность, а при необходимости содействуют в поддержании контактов с его близкими родственниками. Этот принцип применяется в особенной степени к заключенным, дела которых еще не рассматривались судом и которые должны считаться невиновными на основании пункта 2 статьи 6 Конвенции» (пункт 36 постановления).

Суд вновь подчеркнул, что вмешательство в право заключенного на уважение его семейной жизни не должно обязательно приводить к запрету свиданий с родственниками, но может заключаться в других мерах, принятых администрацией учреждения. Таким образом, Суд установил, что ограничения частоты и продолжительности свиданий с родственниками, контроль во время таких свиданий и применение в отношении заключенного особых мер касательно свиданий представляют собой вмешательство в права заключенного согласно статье 8 Конвенции (пункт 37 постановления).

Как утверждал заявитель, и это не было оспорено Властями, просьба его родителей о свидании была отклонена 20 января 2010 года, в оставшийся период свидания с семьей были ограничены двумя посещениями в месяц, и он всегда был отделен от родителей стеклянной перегородкой. Суд установил, что такие ограничения представляли вмешательство в право заявителя на уважение семейной жизни.

Как усматривалось из текста постановления, 20 января 2010 года следователь отказал родителям заявителя в предоставлении разрешения на свидание с ним, сославшись на конфликтное поведение отца заявителя.

Суд ранее подчеркивал, что «статья 18 Закона о содержании под стражей²⁰, которая предоставляет следователю дискреционное право давать разрешение на два свидания в месяц, не отвечает требованиям «качества

²⁰ Речь идет о Федеральном законе от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

права» и предсказуемости, так как указанная статья предоставляет неограниченные права следователю в вопросе свиданий в тюрьме, но не определяет обстоятельства, при которых в таком свидании может быть отказано, в течение какого периода и на каких основаниях» (пункт 40 постановления).

Настоящее дело, по мнению Европейского Суда, продемонстрировало, каким образом может выражаться такое неограниченное дискреционное право, и каким образом им можно злоупотреблять.

Следователь отказал родителям заявителя в разрешении на свидание с заявителем, таким образом предпринимая действия против поведения отца заявителя, которое мешало судопроизводству. В результате этого матери заявителя также было отказано в свидании. Текст постановления наглядно демонстрирует, что в оценке никоим образом не рассматривалось воздействие, которое отказ на свидание с родителями окажет на право заявителя на уважение его семейной жизни, и единственным мотивом следователя являлось намерение ускорить уголовное расследование, которое он вел. Прокурор одобрил неограниченное дискреционное право следователя и вкратце признал причины для отказа «убедительными и должным образом обоснованными» (пункт 41 постановления).

Суд повторил, что правовая норма, предоставляющая следователю, в производстве которого находится дело, неограниченное право давать разрешение или отказывать в свидании, без ограничения рамок такого права и способа его осуществления, не отвечает требованию «качества права» и лишает заявителя минимальной степени защиты против произвола или злоупотребления, на которую граждане имеют право согласно верховенству права в демократическом обществе (пункт 42 постановления).

Соответственно, отметил Суд, это вмешательство не было «предписано законом» и нет необходимости рассматривать, было ли оно «необходимым в демократическом обществе».

Как было отмечено в постановлении, в оставшийся период содержания под стражей заявителю предоставлялось не более двух свиданий с родителями в месяц.

Суд признал, что ограничение частоты посещений «предписано законодательством», в частности, разделом 18 Закона о содержании под стражей, и преследовало законные цели по защите общественной безопасности и предупреждения беспорядков и преступлений (пункт 45 постановления).

Что касается вопроса, насколько такое ограничение было «необходимым в демократическом обществе», Власти не представили никаких доводов в поддержку таких ограничений, помимо ссылки на применимый раздел Закона о содержании под стражей. Суд с озабоченностью отметил, что оспариваемое ограничение налагалось на заявителя посредством автоматического применения закона и оказывало воздействие на его семейную жизнь исключительно из-за меры пресечения в виде заключения под стражу и

независимо от его персональной ситуации. Закон о содержании под стражей ограничивал максимальную периодичность свиданий с семьей двумя посещениями в месяц в общих чертах, не допуская какой-либо степени гибкости при определении, являются ли такие ограничения надлежащими или необходимыми в каждом случае (пункт 46 постановления).

Суд обратил внимание на довод Властей о том, что причиной помещения заявителя под стражу в период предварительного следствия и таким образом ограничения контактов подозреваемого с внешним миром являлась необходимость гарантировать беспрепятственное проведение следствия. Поскольку это так, Суд также отметил, что подпункт «а» пункта 2 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах требует, в частности, чтобы обвиняемые в случаях, когда отсутствуют исключительные обстоятельства, помещались отдельно от осужденных, и им предоставлялся отдельный режим, отвечающий их статусу неосужденных лиц. Подобным же образом, в 1987 году в Европейских пенитенциарных правилах установлено, что заключенные, дела которых еще не рассматривались в суде, считаются невиновными до вынесения им обвинения, подвергаются только тем ограничениям, которые предусмотрены уголовно-процессуальным правом и необходимы для безопасности учреждения (пункт 47 постановления).

Что касается свиданий с семьей, статья 8 Конвенции требует от государств принимать во внимание интересы заключенного и членов его семьи и оценивать их не в общем смысле, а применительно к конкретной ситуации. По мнению Суда, статья 18 Закона о содержании под стражей не учитывает должным образом эти интересы. Регулирование таких вопросов не может сводиться к единому для всех подходу, и от государств ожидается разработка их метода оценки соразмерности, который позволит Властям сбалансировать сталкивающиеся интересы отдельного лица и общественные интересы, а также учесть особенности дела, такие например, как тот факт, что задержанный является несовершеннолетним (пункт 48 постановления).

Суд не в состоянии был установить фактические элементы, которые могли бы оправдать столь строгие ограничения в отношении частоты свиданий с членами семьи в данном деле. Являясь подростком и лицом, совершившим преступление впервые и не имеющим предыдущего опыта пребывания в тюрьме, заявитель с высокой долей вероятности оказался в крайне стрессовых и враждебных условиях, и он нуждался в поддержке и комфорте, которые могли обеспечить родители. Его родители не являлись ни свидетелями, ни сообвиняемыми в уголовном судопроизводстве против него, и не было никаких явных признаков, подтверждающих риск совершения деяния по сговору или любой иной формы препятствования процессу сбора доказательств. Не существовало никаких требований обеспечения безопасности, имеющих отношение к преступным связям или к возможности скрыться от правосудия, которые были установлены и являлись обоснованием в предыдущих делах. Наконец, Суд повторил, что заявитель, содержащийся в следственном

изоляторе, должен был считаться невиновным до признания его вины, и вмешательство в его право на уважение семейной жизни не могло быть оправдано исключительно ограничениями, по определению сопровождающими применение меры пресечения в виде лишения свободы (пункт 49 постановления).

Суд посчитал, что ограничивая частоту свиданий с родственниками автоматическим образом, без оценки различных элементов, как того требует Конвенция, органы Власти превысили их пределы свободы усмотрения и не смогли обосновать вмешательство как «необходимое в демократическом обществе» (пункт 50 постановления).

Как было отмечено выше, во время всех свиданий в следственном изоляторе заявитель был отделен от своих родителей стеклянной перегородкой.

Суд был удовлетворен тем, что перегородка была установлена в соответствии с правилом 143 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов и преследовала законные цели, определенные Властями, а именно, предупреждение беспорядка и преступлений и защита здоровья и прав остальных лиц (пункт 52 постановления).

«Что касается требования наличия необходимости, Суд повторил, что применение таких мер, как физическое отделение заключенного от посетителей специальной прозрачной перегородкой может быть оправдано требованиями безопасности или опасностью того, что заключенный может связаться с преступными организациями через своих родственников... Однако, запрет на физический контакт может быть обоснованным только в том случае, если существует истинная и продолжающаяся опасность, и в отсутствие наличия установленной угрозы безопасности такая мера не может считаться необходимой» (пункт 53 постановления).

По мнению Суда, власти не имеют полную свободу действий при введении ограничений в целом, без использования определенной степени гибкости в определении, являются ли ограничения действительно необходимыми в конкретных случаях (пункт 54 постановления).

Власти не представили какие-либо фактические элементы, подтверждающие риски, о которых они заявили, и обосновывающие применение полного запрета на прямой физический контакт между заявителем и его родителями. Как Суд признавал, риск сговора или передачи информации через родственников не был установлен. Даже если заявитель был обвинен в преступлении, включающем неоправданную жестокость, не утверждалось, что он может нанести телесные повреждения родителям. Наконец, судя по всему, ни заявитель, ни его посетители не страдали заболеваниями, передаваемыми воздушным путем. С другой стороны, физическое разделение должно было усугубить отрицательное воздействие стрессовых тюремных условий и крайне негативно сказывалось на заявителе в то время, когда контакт с родственниками имел особое значение, с учетом его возраста (пункт 55

постановления).

Суд признал, что, в отсутствие доказанной необходимости наличия физического барьера между заявителем и его родителями, такая мера не могла считаться «необходимой в демократическом обществе» (пункт 56 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 40834/11 *«Калиниченко против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 9 июля 2019 г.), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным содержанием заявителя под стражей; пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции в связи с необоснованно длительным содержанием его под стражей и ненадлежащим рассмотрением судом жалобы на постановление о заключении его под стражу; пункта 2 статьи 6 Конвенции в связи с нарушением права заявителя на справедливое судебное разбирательство, обусловленным несоблюдением в отношении заявителя принципа презумпции невиновности.

Заявитель жаловался на незаконность его содержания под стражей после его выдачи Российской Федерации, а также на отсутствие эффективного разбирательства по оспариванию законности его содержания под стражей. Кроме того, он заявлял, что его не препроводили к судье незамедлительно после его задержания и что продолжительность его содержания под стражей была неразумной. Он ссылается на пункты 1, 3 и 4 статьи 5 Конвенции. Заявитель также утверждал, что использование терминов «мошенник», «преступник» и «основатель финансовых пирамид» в заявлениях представителей Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации нарушило презумпцию невиновности. Он сослался на пункт 2 статьи 6 Конвенции.

Суд напомнил, что по вопросу «правомерности» содержания под стражей, в том числе, соблюдения «законных путей», Конвенция отсылает, в основном, к национальному законодательству. Во всех случаях она закрепляет обязательство соблюдать его материально-правовые нормы и процедурные нормы, но она, кроме того, требует соответствия любого лишения свободы целям статьи 5: защите лица от произвола (пункт 73 постановления).

Обращаясь к фактам дела, Суд констатировал, что 14 мая 2011 года заявитель был задержан, поскольку он подозревался в совершении правонарушения, в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Содержание заявителя под стражей в соответствии с этим положением закончилось 13 мая 2013 года, в день осуждения заявителя судом первой инстанции. Заявитель не оспаривал законность содержания его под стражей после осуждения. Суд, таким образом, рассмотрел вопрос о том, осуществлялось ли содержание заявителя под стражей с 14 мая 2011 года по 13 мая 2013 года «в порядке, установленном законом», в соответствии с пунктом

1 статьи 5 Конвенции (пункт 74 постановления).

*По вопросу законности содержания заявителя под стражей
с 14 мая по 11 июля 2011 года*

Суд отметил, что Власти в своих замечаниях, представленными Суду, сочли, что помещение заявителя под стражу в момент его передачи российским властям было разрешено решением районного суда от 27 февраля 2007 года (пункт 75 постановления).

Суд обратил внимание на то, что «на момент передачи заявителя российским властям, то есть 14 мая 2011 года, заявитель уже провел шестнадцать месяцев и двадцать восемь дней под стражей с целью экстрадиции в Италии и Марокко, а также что в соответствии с пунктом 4 части 10 статьи 109 УПК РФ [это время должно быть засчитано] при расчете общей продолжительности содержания под стражей, разрешенной на основании части 2 статьи 109 УПК РФ, что, кроме того, не оспарива[лось] Властями... Затем он отмечает, что на 14 мая 2011 года, дату заключения заявителя под стражу, максимальная продолжительность его содержания под стражей по смыслу части 2 статьи 109 УПК РФ, то есть двенадцать месяцев, была превышена и что единственной возможной юридической основой для ее продления являлась часть 11 этой статьи... Между тем, Суд отме[тил], что решение... районного суда от 27 февраля 2007 года было принято задолго до помещения заявителя под стражу с целью экстрадиции и что в связи с этим оно не содержало и логически не могло содержать никаких ссылок на часть 11 статьи 109 УПК РФ. Таким образом, он [посчитал], что решение... районного суда от 27 февраля 2007 года не могло являться правовой основой для содержания под стражей заявителя после его передачи российским властям 14 мая 2011 года. Из этого следует, что на момент задержания и заключения заявителя под стражу на территории Российской Федерации не существовало никакого судебного решения, разрешающего, в соответствии с частью 11 статьи 109 УПК РФ, содержания под стражей заявителя по истечении максимального двенадцатимесячного срока, предусмотренного частью 2 статьи 109 УПК РФ» (пункт 76 постановления).

Суд подчеркнул, что лишь 12 июля 2011 года срок содержания под стражей заявителя был впервые продлен на основании части 11 статьи 109 УПК РФ. Следовало, по мнению Суда, отметить, что в решении от 12 июля 2011 года национальный судья не указал дату, с которой начинался шестимесячный срок, на который могло быть продлено содержание под стражей заявителя на основании этого положения. В любом случае, даже если предположить, что судья подразумевал, что этот срок начался 14 мая 2011 года, Суд напомнил, что российским национальным законодательством не допускается вынесение решения, разрешающего *ex post facto* оставление лица под стражей, и что, кроме того, оно было несовместимым с «правом на защиту» по смыслу статьи 5 Конвенции (пункт 77 постановления).

С учетом изложенного, Суд установил, что в течение периода с 14 мая по 11 июля 2011 года содержание заявителя под стражей проводилось не «в порядке, установленном законом» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции.

По вопросу законности содержания заявителя под стражей в период с 12 июля по 13 ноября 2011 года

Суд отметил, что позиции сторон расходятся в отношении расчета срока содержания под стражей, установленного частью 11 статьи 109 УПК РФ: в то время как Власти утверждали, что он начался во время передачи заявителя российским властям, заявитель утверждает, что он начался сразу по истечении двенадцатимесячного срока, предусмотренного частью 2 статьи 109 УПК РФ. В обоснование своего довода Власти опирались на практику внутригосударственных судебных органов власти по данному вопросу. Заявитель, со своей стороны, утверждал, что эта правоприменительная практика возникла после событий по делу и не является доказательной (пункт 79 постановления).

Суд отметил, что «из примеров прецедентной практики, представленных Властями, след[овало], что часть 11 статьи 109 УПК РФ применяется в двух вариантах: первый касается ситуации, при которой максимальная продолжительность досудебного содержания под стражей «на время расследования» по смыслу частей 2 и 3 указанной статьи была достигнута до передачи заинтересованного лица российским властям..., а второй касается ситуации, при которой вышеуказанная продолжительность была достигнута после того, как лицо было передано властям... В данном деле, поскольку ситуация заявителя явно относится к первому варианту, Суд [учел] в целях своего анализа только первую группу решений...» (пункт 80 постановления).

Суд указал, что «довод Властей, касающийся толкования части 11 статьи 109 УПК РФ в этой ситуации, подкрепляется решениями Омского областного суда от 1 и 8 августа 2014 года... В самом деле, этот суд определенно указал, что если максимальная продолжительность досудебного содержания под стражей «на время проведения следствия» по смыслу части 2 статьи 109 УПК РФ была достигнута до даты передачи соответствующего лица российским властям, дополнительные шесть месяцев, предусмотренные частью 11 статьи 109 УПК РФ, должны считаться [со дня] указанной передачи. Хотя решения от 6 июня 2013 года и от 10 мая 2016 года... не являются такими же определенными в этом вопросе, из них след[овало], что на практике содержание под стражей - на основании части 11 статьи 109 УПК РФ - лиц, экстрадированных в Россию, не превышало шести месяцев, предусмотренных этим положением, после соответствующих дат их передачи российским властям (содержание под стражей Г., экстрадированного 22 февраля 2013 года, было продлено до 8 августа 2013 года, содержание под стражей К., экстрадированного 5 февраля 2016 года, было продлено до 22 апреля 2016 года

на этом основании, а затем осуществлялось на другом правовом основании, в частности, «на время ознакомления с материалами дела»)» (пункт 81 постановления).

«Действительно, отметил Суд, как было указано заявителем, решения, на которые ссылаются Власти, были приняты после событий настоящего дела. В Суде не указывалось, что случай заявителя являлся первым вариантом применения части 11 статьи 109 УПК РФ на практике. Однако, даже если предположить, что это так, Суд нап[омнил], что новый, с точки зрения, в частности, правоприменительной практики, характер поставленного правового вопроса сам по себе не нарушает требований приемлемости и прогнозируемости закона, поскольку принятое решение являлось одним из возможных и обоснованно прогнозируемых толкований... В данном деле расчет шестимесячного срока по смыслу части 11 статьи 109 УПК РФ с момента передачи экстрадированного лица российским органам власти, по-видимому, не был произвольным. В самом деле, государственные органы могут быть законным образом заинтересованы в продлении срока содержания под стражей в случае необходимости производства предварительного следствия, с учетом, в частности, того факта, что [время], проведенн[ое] соответствующим лицом под стражей с целью экстрадиции в иностранном государстве, не контролируются национальными органами власти. Сведения, которыми располагает Суд, не выявляют никаких противоречий в практике российских судов после случая заявителя... С другой стороны, толкование, предлагаемое заявителем, кажется неразумным: в случае, если бы он провел более восемнадцати месяцев под стражей с целью экстрадиции, применение части 11 статьи 109 УПК РФ в его отношении было бы невозможным, что противоречит формулировке этого положения. Следовательно, Суд прин[ял] довод Властей, касающийся расчета [периода времени], предусмотренного частью 11 статьи 109 УПК РФ» (пункт 82 постановления).

Суд подчеркнул, что «заявитель был передан российским властям 14 мая 2011 года и что его содержание под стражей, таким образом, могло быть продлено на основании части 11 статьи 109 УПК РФ на [время] не более шести месяцев, то есть до 14 ноября 2011 года. Он устанав[ил], что в своих решениях от 12 июля и от 15 сентября 2011 года областной суд ссылался на часть 11 статьи 109 УПК РФ для продления срока содержания под стражей заявителя до 16 сентября и до 13 ноября 2011 года соответственно... К сожалению, дата, с которой должен был считаться предусматриваемый частью 11 статьи 109 УПК РФ срок, не была определенно установлена в вышеуказанных решениях, но, тем не менее, период содержания заявителя под стражей на основании этой статьи не превысил установленный в ней шестимесячный предел[ьный срок]. Продлевая срок содержания под стражей заявителя, областной суд обосновывал свои решения и каждый раз назначал точную предельн[ый срок] для каждого периода... Из этого след[овало], что содержание заявителя под стражей с 12 июля по 13 ноября 2011 года происходило «в порядке,

установленном законом» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункт 83 постановления).

*По вопросу законности содержания заявителя под стражей
с 14 октября²¹ 2011 года по 13 июня 2012 года*

Суд отметил, что «решением от 14 октября 2011 года областной суд продлил срок содержания под стражей заявителя до 16 июня 2012 года. Он сослался на части 7-8 статьи 109 УПК РФ, которые позволяют осуществлять содержание под стражей [обвиняемого] «на время ознакомления с материалами уголовного дела»» (пункт 84 постановления).

Суд обратил внимание на то, что он «уже рассматривал ситуации, в которых содержание под стражей заявителей несколько раз продлевалось на основании этого положения... В этих делах он пришел к выводу о нарушении пункта 1 статьи 5 Конвенции, поскольку, по его мнению, части 4-8 статьи 109 УПК определенно не предусматривали возможность неоднократного продления срока содержания под стражей в целях ознакомления с материалами уголовного дела. С другой стороны, Суд не считал несовместимым с Конвенцией возможность однократного продления срока содержания под стражей на основании этого положения УПК РФ» (пункт 85 постановления).

В данном деле Суд отметил, что «имело место лишь одно продление срока содержания под стражей заявителя на основании частей 7-8 статьи 109 УПК РФ. Назначая эту меру [пресечения], областной суд обосновал свое решение и назначил точную дату окончания этого периода содержания под стражей... Он также отме[тил], что с 14 июня 2012 года областной суд изменил юридическую основу содержания заявителя под стражей, которое было продлено «на время рассмотрения судом» уголовного дела в соответствии со статьей 255 УПК РФ... С учетом вышеуказанного Суд... [посчитал], что содержание заявителя под стражей с 14 октября 2011 года по 13 июня 2012 года происходило «в порядке, установленном законом» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункт 86 постановления).

По вопросу законности содержания заявителя под стражей с 14 июня по 28 ноября и с 29 ноября по 4 декабря 2012 года, а также с 5 декабря 2012 года по 13 мая 2013 года

Суд обратил внимание на то, что содержание заявителя под стражей с 14 июня по 28 ноября 2012 года и с 5 декабря 2012 года по 13 мая 2013 года было применено согласно решениям суда от 14 июня и 4 декабря 2012 года и от 20 февраля 2013 года. Все эти решения основывались на статье 255 УПК РФ, и в

²¹ Исходя из контекста излагаемого материала, речь должна идти именно о 14 *октябре*, а не о *ноябре*, упомянутом в тексте постановления.

В тексте постановления на французском языке также, видимо, была допущена опечатка (режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-194314>).

них указывалась точная предельная дата для каждого срока содержания под стражей и основания для их принятия. Суд, таким образом, считает, что содержание под стражей заявителя в ходе указанных периодов осуществлялось «в порядке, установленном законом» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции (пункт 87 постановления).

Что касается периода с 29 ноября по 4 декабря 2012 года, Суд отметил, что решение от 29 ноября 2012 года было отменено 4 декабря 2012 года на том основании, что оно противоречило требованиям части 13 статьи 109 УПК РФ, согласно которой не допускается отсутствие обвиняемого при рассмотрении судом вопроса о продлении срока содержания его под стражей. Хотя законность содержания заявителя под стражей с 29 ноября по 4 декабря 2012 года пересматривалась *a posteriori* в решении от 13 февраля 2013 года, Суд напомнил, что решение, разрешающее *ex post facto* оставление лица под стражей, не допускалось российским внутригосударственным правом (пункт 88 постановления).

С учетом вышеуказанного Суд посчитал, что содержание заявителя под стражей с 29 ноября по 4 декабря 2012 года не было «правомерным» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции.

По вопросу о том, был ли заявитель незамедлительно препровожден к судье или другому представителю судебной власти, законным образом уполномоченному исполнять судебные функции

Суд повторил, что пункт 3 статьи 5 Конвенции имеет целью обеспечение того, чтобы задержанное лицо было незамедлительно «физически доставлено» в орган судебной власти, поскольку такой «незамедлительный и автоматический судебный контроль» обеспечивает защиту от произвола, тайных задержаний и ненадлежащего обращения. Этот пункт структурно рассматривает два различных аспекта: первые часы после задержания, момент, когда лицо оказывается в руках властей, и период до предполагаемого разбирательства в уголовном суде, в течение которого подозреваемый может содержаться под стражей или выйти на свободу на определенных условиях либо без таковых. Эти два аспекта предоставляют различные права и, по-видимому, не имеют никакой логической или временной связи (пункт 94 постановления).

По мнению Суда, судебное разбирательство должно, прежде всего, отвечать требованию «быстроты», поскольку оно имеет целью содействие выявлению случаев ненадлежащего обращения и сведение к минимуму необоснованного вмешательства в личную свободу. Кроме «исключительных обстоятельств», оно должно проводиться в максимальный четырехдневный срок после задержания (пункт 95 постановления).

Обращаясь к фактам дела, Суд констатировал, что заявитель был задержан 14 мая 2011 года, поскольку он подозревался в совершении правонарушения, в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5

Конвенции. Следовательно, в данном деле применяется первый аспект пункта 3 статьи 5 Конвенции (пункт 96 постановления).

Суд отметил, что после передачи российским властям 14 мая 2011 года заявитель был заключен под стражу. Он подчеркнул, что Власти настаивали на том, что избрание меры пресечения в виде содержания под стражей было осуществлено на основании решения... районного суда от 27 февраля 2007 года. В этой связи он напоминает, что принятие судебного решения, разрешающего заочно поместить под стражу лицо, находящееся в розыске, само по себе [не] является несовместимым с положениями Конвенции. При этом с первых часов после задержания, с момента, когда лицо оказывается под контролем государства, оно должно быть незамедлительно «физически доставлено» к представителю судебной власти. Между тем, Суд указал, что первый личный допрос заявителя в суде состоялся лишь 15 сентября 2011 года (пункт 97 постановления).

В этом контексте Суд отметил, что «12 июля 2011 года... областной суд, заседаая в составе единоличного судьи, рассмотрел [вопрос об] оставлении[и] заявителя под стражей. Судья счел, что можно было провести заседание в отсутствие заявителя, поскольку он находился на тот момент в больнице, где в отношении его проводилась психиатрическая экспертиза... Суд, однако, не убежден, что состояние заявителя лишало его возможности участвовать в судебном заседании с целью быть заслушанным и допрошенным судьей, тем более что речь шла о свободе заявителя... Кроме того, национальный судья не придавал значения тому факту, что в момент проведения заседания 12 июля 2011 заявитель был лишен свободы уже пятьдесят восемь дней, при этом он так и не предстал перед судом лично» (пункт 98 постановления).

Суд отметил, что Власти не предоставили ни одного довода в обоснование [двух]месячного срока, прошедшего с момента задержания заявителя до его первого появления в суде, при том, что этот срок был очень длинным с точки зрения его правоприменительной практики.²² С учетом вышеуказанного, Суд посчитал, что государство не выполнило своего обязательства «незамедлительно» препроводить заявителя к судье, уполномоченному контролировать законность его содержания под стражей (пункт 99 постановления). Следовательно, было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в его первом аспекте.

²² См., в качестве примера, постановление Европейского Суда от 6 ноября 2008 года по делу «Канджов против Болгарии» (*Kandjov c. Bulgarie*), жалоба №68294/01 (три дня и двадцать три часа), постановление Европейского Суда от 3 февраля 2009 года по делу «Ипек и другие против Турции» (*İpek et autres c. Turquie*), жалобы №№17019/02 и 30070/02 (три дня и девять часов), и постановление Европейского Суда от 11 октября 2011 года по делу «Гуцановы против Болгарии» (*Gutsanovi c. Bulgarie*), жалоба №34529/10, CEDH 2013 (извлечения), (три дня, пять часов и тридцать минут).

По вопросу, было ли соблюдено право заявителя на осуждение в разумный срок или освобождение в ходе производства

Суд отметил, что содержание под стражей заявителя продлилось с 14 мая 2011 года по 13 мая 2013 года, дня, когда заявитель был осужден судом первой инстанции. Таким образом, общий срок содержания заявителя под стражей в смысле пункта 3 статьи 5 Конвенции составил два года. Учитывая существенную продолжительность данного периода и презумпцию в пользу освобождения, Суд посчитал, что национальные суды должны были сослаться на убедительные основания для продления содержания заявителя под стражей (пункт 104 постановления).

Суд установил, что все решения, продлевающие срок содержания под стражей заявителя, основывались в основном на степени тяжести предъявляемых ему обвинений и на риске его побега.

Суд напомнил, что сама по себе степень тяжести обвинений не может более являться причиной продления срока содержания под стражей на более позднем этапе разбирательства. В данном деле он посчитал, что это основание не могло являться достаточным после окончания предварительного следствия и направления дела в суд (пункт 106 постановления).

Что касается риска уклонения заявителя от правосудия, Суд готов был признать, что национальные суды имели в распоряжении сведения, которые говорили о существовании такого риска. В самом деле, заявитель не соблюдал обязательство не покидать страну, возложенное итальянскими органами власти, во время процедуры его экстрадиции. Однако Суд не убедился, что такой риск сохранялся в течение всего производства и, в частности, после направления уголовного дела в суд. Хотя опасность побега неизбежно снижается со временем, национальные суды опирались главным образом на это основание в течение всего периода содержания заявителя под стражей, не учитывая ход дела. Он отметил также, что национальные суды не попытались установить, могла ли иная мера пресечения заменить содержание под стражей (пункт 107 постановления).

С учетом вышеизложенного, Суд счел, что с 25 мая 2012 года, опираясь главным образом и систематически на степень тяжести обвинений в отношении заявителя, а также на риск его побега, органы власти удерживали заявителя под стражей на основаниях, которые не могли считаться «достаточными» для обоснования продолжительности такого содержания под стражей. Было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

По вопросу о том, было ли соблюдено право заявителя на обжалование в суде, который должен в кратчайшие сроки вынести решение о законности его содержания под стражей

Суд напомнил, что согласно пункту 4 статьи 5 Конвенции каждый, кто лишен свободы в результате заключения под стражу, имеет право на

осуществление судом контроля за соблюдением необходимых процессуальных требований и обеспечением «законности», в соответствии с Конвенцией, лишения их свободы. Пункт 4 статьи 5 Конвенции не гарантирует право на судебный контроль настолько широко, чтобы суд имел право по всем аспектам дела, включая вопросы чистой целесообразности, подменять усмотрение соответствующего уполномоченного органа власти своим собственным усмотрением. Тем не менее, судебный контроль должен быть достаточно широким, чтобы выносить решение о соблюдении тех условий, которые являются необходимыми для законного содержания под стражей лица в соответствии с пунктом 1 этого положения Конвенции (пункт 113 постановления).

В данном деле Суд отметил, что «в своей жалобе от 16 июня 2011 адвокат заявителя оспорила, среди прочего, законность [содержания] заявителя под стражу... Однако национальные суды отказались рассматривать эту жалобу по существу на том основании, что указанное содержание под стражей было законным образом разрешено решением... районного суда от 27 февраля 2007 года... Между тем, Суд напом[нил], что он уже установил, что соответствующее решение не могло являться правовой основой для содержания заявителя под стражей после 14 мая 2011 года по смыслу национального законодательства... Далее, он отме[тил], что первое рассмотрение законности содержания заявителя под стражей после его экстрадиции 14 мая 2011 года состоялось лишь 12 июля 2011 года... Из этого следует, что заявитель не имел доступа к суду, который предположительно вынес решение о законности его содержания под стражей в период с 14 мая по 11 июля 2011 года» (пункт 114 постановления). Следовательно, было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

Заявитель также утверждал, что использование терминов «мошенник», «преступник» и «основатель финансовых пирамид» в заявлениях представителей Министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральному округу нарушило презумпцию его невиновности.

Суд напомнил, что «пункт 2 статьи 6 Конвенции защищает право любого человека «считаться невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком»... Если пункт 2 статьи 6 не препятствует органам государственной власти в информировании общественности о проводящихся расследованиях по уголовным делам, он, тем не менее, требует, чтобы они делали это со всей корректностью и со всеми оговорками, необходимыми для соблюдения принципа презумпции невиновности» (пункт 121 постановления).

В данном деле Суд отметил, что, «информируя общественность о судебном преследовании по уголовному делу в отношении заявителя, обвиняемого в мошенничестве в крупном размере, представители [МВД РФ] по... федеральному округу неоднократно использовали слова «мошенник»,

«преступник» и «основатель финансовых пирамид» для характеристики заявителя... Суд [посчитал], что использование без нюансов и оговорок этих характеристик в отношении заявителя могло побудить общественность поверить в его вину и что оно предрешило оценку обстоятельств дела компетентными судьями в нарушение принципа презумпции невиновности» (пункт 122 постановления).

Что касается довода Властей о том, что заявитель был осужден за преступление, за которое он преследовался, Суд отметил, что «для заявителя тот факт, что он был в конечном итоге признан виновным и приговорен к тюремному заключению, не может лишить его изначального права считаться невиновным, пока его вина не установлена в соответствии с законом. Он... неоднократно напоминал, что пункт 2 статьи 6 Конвенции регулирует весь уголовный процесс, «независимо от результата судебного преследования»» (пункт 123 постановления). Данные факторы стали достаточными для Суда, чтобы он пришел к выводу о нарушении пункта 2 статьи 6 Конвенции.

право на справедливое судебное разбирательство (недопустимость подстрекательства к совершению преступления со стороны сотрудников правоохранительных органов)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 48105/17 «**Борисов против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 9 июля 2019 г.), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с необеспечением справедливости производства по уголовному делу заявителя.

Заявитель жаловался, что производство по уголовному делу против него было несправедливым. В частности, он утверждал, что постановленный в отношении его обвинительный приговор был основан на доказательствах, подброшенных полицией.

Суд напомнил, что «обязанностью Суда в соответствии со статьей 19 Конвенции является обеспечение соблюдения конвенционных обязательств, принятых Договаривающимися государствами. В частности, в его задачи не входит исправление фактических или правовых ошибок, предположительно допущенных национальным судом, если они не нарушили права и свободы, охраняемые Конвенцией» (пункт 16 постановления). Следовательно, в обязанность Суда не должно входить в принципе определение того, могут ли определенные виды доказательств, например, доказательства, полученные незаконно согласно национальному законодательству, быть приемлемыми, или был ли заявитель на самом деле виновен. Вопрос, на который необходимо ответить, заключается в том, было ли производство в целом, включая способ получения доказательств, справедливым (пункт 17 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что «[п]ри определении того, было ли производство справедливым в целом, необходимо также учитывать, был[о] ли соблюден[о] его прав[о] [на] защит[у]. В частности, необходимо установить, имел ли заявитель возможность оспорить правомерность такого доказательства и возражать против его [использования]. Кроме того, необходимо принять во внимание качество доказательств, включая тот факт, ставят ли обстоятельства, в которых такие доказательства были получены, под сомнение их достоверность или точность... Действительно, когда достоверность доказательств оспаривается, наличие справедливого порядка рассмотрения приемлемости таких доказательств имеет еще большее значение» (пункт 18 постановления).

Суд напомнил, что, «даже если основная цель статьи 6 [Конвенции], насколько это касается уголовного процесса, заключается в обеспечении справедливого судебного разбирательства «судом», компетентным в определении «любого уголовного обвинения», это не означает, что указанная статья не имеет применения в ходе досудебного разбирательства. Статья 6, таким образом, может быть применена до начала судебного разбирательства по делу, если и в такой степени, в которой справедливость судебного разбирательства может быть серьезно нарушена из-за изначального несоблюдения ее положений» (пункт 19 постановления).

Суд отметил, что осуждение заявителя на основании обвинений в хранении запрещенных веществ было основано, главным образом, на вещественных доказательствах, полученных полицией во время обыска, проведенного после задержания заявителя, в присутствии двух понятых.

Соответственно, задача Суда в настоящем деле заключалась, во-первых, в анализе вещественных доказательств и установлении того, вызывают ли обстоятельства, при которых были получены такие доказательства, сомнения в их достоверности и точности, и, во-вторых, того, была ли заявителю предоставлена возможность оспорить их подлинность и воспротивиться их использованию в ходе производства во внутригосударственных судах (пункт 21 постановления).

Что касается первого вопроса, Суд прежде всего заметил, что обыск заявителя не был проведен немедленно после его задержания в 20:15 17 февраля 2016 года, а произошел более чем через час, в 21:36 в тот же день. В этой связи Суд повторил, что непроведение полицией обыска непосредственно после задержания без уважительной причины вызывает законные опасения о возможном «подбрасывании» [вещественных] доказательств... Суд посчитал, что эти положения относятся и к настоящему делу. Заявитель находился под контролем полицейских в течение более чем часа. Кроме того, *ничто не дает оснований предположить, что имелись какие-либо особые обстоятельства, делавшие невозможным проведение обыска немедленно после задержания заявителя.* Суд не упускает из вида тот факт, что задержание заявителя было частью спланированной операции против него, и неспособность полицейских

обеспечить присутствие понятых на месте преступления не может служить оправданием задержки проведения обыска (пункт 22 постановления).

Суд не смог проигнорировать тот факт, что задержание заявителя не было сразу же задокументировано полицией. В частности, хотя сторонами не оспаривалось, что он был задержан полицией в 20:15 17 февраля 2016 года, официальный протокол задержания был составлен лишь 18 февраля 2016 года. Более того, интересы заявителя во время задержания или обыска не представлялись адвокатом (пункт 23 постановления).

Суд посчитал, что качество вещественных доказательств, на которых основывалось вынесение приговора заявителю, вызвало вопросы, а то, каким способом были получены эти доказательства, поставило под сомнение их достоверность (пункт 24 постановления).

Что касается второго вопроса, Суд заметил, что заявитель поднял вопрос о подлинности вещественных доказательств и их использования против него национальными судами. Национальные судебные власти отклонили данный вопрос, сочтя его попыткой со стороны заявителя избежать уголовной ответственности. Они не рассмотрели вопрос о том, почему обыск заявителя не был проведен немедленно в месте его задержания, или о том, был ли обыск проведен в соответствии с процессуальными требованиями (пункт 25 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о достаточности вышеизложенных соображений, чтобы он мог сделать вывод, что тот способ, которым были получены вещественные доказательства, использованные в ходе судебного разбирательства по делу заявителя, а также нерассмотрение национальными судами его возражений и аргументов в отношении достоверности доказательств и их использования против него сделали судопроизводство несправедливым в целом.

право на справедливое судебное разбирательство (нарушение принципа презумпции невиновности)

практика Европейского Суда по правам человека

См. вышеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе № 40834/11 «*Калиниченко против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 9 июля 2019 г.)²³, которым установлено, в том числе, нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции в связи с нарушением права заявителя на справедливое судебное разбирательство, обусловленным несоблюдением принципа презумпции невиновности.

²³ См. подраздел «право на свободу и личную неприкосновенность» раздела «В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений».

*право на уважение семейной жизни***практика Европейского Суда по правам человека**

См. вышеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе № 43149/10 *«Андрей Смирнов против Российской Федерации»* (вынесено 13 февраля 2018 г., вступило в силу 13 мая 2018 г.)²⁴, которым установлено нарушение, в том числе, статьи 8 Конвенции ввиду ограничения количества свиданий заявителя с его родственниками и отделением заявителя от родителей стеклянной перегородкой.

*вопросы выдачи***практика Европейского Суда по правам человека**

См. вышеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе № 40834/11 *«Калиниченко против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 9 июля 2019 г.)²⁵, которым установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным содержанием заявителя под стражей; пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции - в связи с необоснованно длительным содержанием его под стражей и ненадлежащим рассмотрением судом жалобы на постановление о заключении его под стражу; пункта 2 статьи 6 Конвенции - в связи с нарушением права заявителя на справедливое судебное разбирательство.

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, размещены по адресу:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.

²⁴ См. подраздел *«право на свободу и личную неприкосновенность»* раздела *«В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений»*.

²⁵ См. подраздел *«право на свободу и личную неприкосновенность»* раздела *«В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений»*.